Первухин

Эскизы преданий и быта инородцев эск. 4

А 150/877 эк. 4

А 150/877

ЭСКИЗЫ

ПРЕДАНІЙ И БЫТА ИНОРОДЦЕВЪ

ГЛАЗОВСКАГО УѢЗДА.

Эскизъ IV-й.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕРКОЙ ДРЕВНОСТИ ВЪ ОБРАЗЦАХЪ УСТНОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВОТЯКОВЪ.

М.П.М.

Составилъ Н. Ѳ. Первухинъ.

ВЯТКА.

Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета.

Губернская Типографія.

1889.

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 1-го іюля 1889 года.

2007041427

ЭСКИЗЫ ПРЕДАНІЙ И БЫТА ИНОРОДЦЕВЪ ГЛАЗОВСКАГО УѢЗДА.

Эскизъ IV-й [1]).

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ ВЪ ОБРАЗЦАХЪ УСТНОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВОТЯКОВЪ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЭПИЧЕСКІЯ.

I. ЛЕГЕНДЫ,

ихъ значеніе и содержаніе.

Легенды у Вотяковъ не имѣютъ того значенія, какое онѣ имѣли въ средневѣковомъ мірѣ, создавшемъ самое слово legenda, и нельзя не сознаться, что названіе это принято нами только по его общеупотребительности: Вотскія легенды—это миѳы, заключающія въ себѣ обрывки теогоніи и космогоніи, а также миѳы героическаго періода ихъ исторіи. Для обозначенія этого рода произведеній собственно даже нѣтъ отдѣльнаго слова въ Вотскомъ языкѣ, но вѣрнѣе всего назвать ихъ *«ялляна мадь»*, что значитъ: *«древняя сказка»*, *«старинный разсказъ»* (отъ словъ: *ялляны*=прежде и *мадины*=говорить, разсказывать). Сами Вотяки не различаютъ ихъ отъ сказокъ, изъ круга которыхъ, дѣйствительно, большею частію ихъ весьма трудно и выдѣлить: такъ близки онѣ другъ къ другу и по содержанію, и по характеру изложенія. Нами отнесены къ легендамъ прежде всего тѣ сказки, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются важнѣйшія божества древне-вотской религіи; потомъ—тѣ, которыя относятся къ богатырямъ—основателямъ и защитникамъ разныхъ селеній,—и наконецъ—сказки, разсказывающія о происхожденіи въ природѣ того или другаго явленія,—того или другаго предмета. Значительная часть слѣдующаго отдѣла нашего сборника, заключаю-

[1]) Эскизъ III напечатанъ въ Календарѣ Вятской губерніи на 1889 годъ.

щая въ себѣ сказки, въ которыхъ на ряду съ человѣкомъ выставляются дѣйствующими лицами лѣшіе, водяные, домовые и т. п. полубоги,—тоже можетъ быть отнесена въ отдѣлъ легендъ, особенно въ виду того, что еще не рѣшенъ вопросъ: не были ли въ отдаленной древности эти полубоги единственными богами Вотяковъ? Мы отнесли послѣдніе разсказы къ сказкамъ, а не къ легендамъ, единственно лишь потому, что въ большинствѣ изъ нихъ человѣкъ оказывается счастливымъ соперникомъ полубоговъ, чѣмъ значеніе полубоговъ унижается, тогда какъ легенды должны возвышать и укрѣплять это значеніе.

Легенды не приводятся нами въ вотскомъ текстѣ во 1-хъ, потому, что и сами мы ихъ слышали (весьма часто по частямъ) на русскомъ языкѣ, а во 2-хъ, потому, что и списки легендъ доставлены были намъ тоже на русскомъ языкѣ,—такъ какъ вотски нерѣдко разсказывались маленькими дѣтьми (учениками школъ), которые не могли даже на родномъ вотскомъ языкѣ передавать содержаніе ихъ достаточно связно и понятно безъ поправокъ учителя.

Мы раздѣляемъ легенды по содержанію на три разряда: къ первому относятся легенды о богахъ, ко второму легенды о богатыряхъ и къ третьему—легенды, объясняющія происхожденіе, измѣненія или изчезновеніе того или другаго предмета въ природѣ.

Большинство легендъ о богахъ и о происхожденіи вещей были уже напечатаны въ I-мъ моемъ *«Эскизѣ преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда»*; точно также большая часть легендъ о богатыряхъ имѣетъ быть напечатана въ моемъ *«Очеркѣ кладовищъ Глазовскаго уѣзда»* (въ «Трудахъ VII Ярославскаго Археологическаго съѣзда»); но какъ тѣ, такъ и другія въ этотъ сборникъ вошли въ болѣе цѣломъ видѣ, нежели онѣ напечатаны тамъ, гдѣ, соотвѣтственно цѣли ихъ помѣщенія, онѣ иногда вошли въ очень краткомъ видѣ. Остальные №№ поступаютъ въ печать въ первый разъ.

ВОТСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

Удмортъ уалляна-мадьесъ.

а) Легенды о богахъ и полубогахъ.

1. Сотвореніе человѣка.

Инмаръ задумалъ сотворить человѣка и вылѣпилъ изъ земли его тѣло, послѣ чего долженъ былъ идти на небо за душою. Между тѣмъ у Инмара былъ врагъ, Шайтанъ, завидовавшій всякому произведенію Инмара, потому что всѣ они были хороши, и старавшійся всѣхъ ихъ какъ-нибудь испортить. Предвидя покушеніе Шайтана испортить и тѣло человѣка, Инмаръ поставилъ стеречь его собаку, которая въ то время еще не имѣла на себѣ шерсти... Какъ только Инмаръ ушелъ на небо,—сейчасъ же, дѣйствительно, явился Шайтанъ и кинулся было, чтобы разломать на куски сдѣланную Инмаромъ куклу, но собака въ свою очередь кинулась на Шайтана и не подпустила его. Какъ онъ ни упрашивалъ собаку, чтобы та выдала ему человѣческое тѣло, собака на отрѣзъ отказалась; наконецъ Шайтанъ началъ просить собаку, чтобы она позволила ему подойти къ тѣлу хотя на такое разстояніе, съ котораго онъ могъ бы плюнуть на это тѣло, чтобы сорвать свою досаду, но собака долго не соглашалась и на это. Тогда Шайтанъ произвелъ морозъ на землѣ, разсчитывая прогнать имъ собаку, но хотя той и стало очень холодно, однако она все-таки не отходила отъ тѣла человѣка. Шайтанъ снова началъ уговаривать ее, обѣщаясь дать ей теплую шубу, которая всегда будетъ защищать ее отъ сильныхъ холодовъ зимою и отъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ и наконецъ собака прельстилась этими обѣщаніями. Подумавъ про себя, что землѣ ничего не сдѣлается, если на нее и плюнутъ, она позволила Шайтану оплевать человѣческое тѣло. Шайтанъ оплевалъ его, покрылъ собаку шерстью и ушелъ. А такъ какъ слюна Шайтана отвратительна и не могла быть уже ни чѣмъ отмыта; поэтому Инмаръ, вернувшись и увидѣвъ, что сдѣлалъ Шайтанъ, не захотѣлъ оставить въ такомъ видѣ наружность человѣка, не захотѣлъ также почему-то и созидать другое тѣло, а взялъ статую и вывернулъ всю ее на изнанку. Вслѣдствіе этого теперь внутри человѣка и находится всякая нечистота, а такъ какъ слюна Шайтана постоянно

растетъ, то излишество ея и выходитъ наружу въ формѣ разнаго рода изверженій.

Люмская волость.

2. Вѣкъ Кылдысина.

Въ старинные годы Кылдысинъ жилъ между людьми на землѣ, въ такой же квалѣ, и съ виду не отличаясь отъ людей ничѣмъ, кромѣ своего высокаго роста. Съ длинными сѣдыми волосами, въ бѣлой длинной же одеждѣ, въ видѣ высокаго старика, съ постоянно веселою улыбкою на губахъ, ходилъ Кылдысинъ по полямъ, которыя воздѣлывались вотяками, одѣтыми въ такія же бѣлыя одежды, въ которыя онъ былъ одѣтъ и самъ. Любимымъ мѣстомъ его прогулокъ были межи между земельными участками, а такъ какъ тогда людей было не много, то у каждаго земельные участки были очень велики, а не рѣдко и цѣлая деревня имѣла участки общіе, поэтому межи между надѣлами были длинны и широки. Прохаживаясь по этимъ межамъ, Кылдысинъ осторожно обходилъ всѣ хлѣбные колоски, которые здѣсь случайно выростали, а когда видѣлъ, что колосья упали отъ дождя или отъ тяжести собственнаго зерна на землю, поднималъ ихъ своими руками и осторожно расправлялъ ихъ. При такой нѣжной заботливости Кылдысина, земля постоянно давала роскошные урожаи и люди были постоянно веселы, такъ какъ у нихъ всего было вдоволь. Но съ теченіемъ времени число вотяковъ умножилось, а при этомъ между ними развилась завистливость: начались земельные раздѣлы да передѣлы, и земля распалась на множество мелкихъ участковъ, межи между которыми становились съ каждымъ годомъ все уже и уже, такъ что Кылдысинъ наконецъ пересталъ имѣть возможность гулять попрежнему, потому что теперь ему на каждомъ шагу по-межѣ попадались подъ ноги колосья. Свой бѣлый костюмъ вотяки также измѣнили, начавъ окрашивать свои ткани въ сине-фіолетовую *(бусыръ)* краску. Тогда, разгнѣвавшись на людей, Кылдысинъ ушелъ изъ среды ихъ, лишивъ землю ея прежняго плодородія, а людей — ихъ прежняго благосостоянія и радости.

Поломская волость.

3. Воплощеніе Кылдысина.

Ко всѣмъ народамъ уже приходили съ неба разные боги

(къ русскимъ—Іисусъ Христосъ, къ татарамъ—Магометъ), а вотяки, хотя и усердно молились своимъ богамъ, не могли однако дозваться къ себѣ Кылдысина, который давно когда-то жилъ на землѣ, но потомъ отсюда ушелъ. Между тѣмъ они слыхали отъ стариковъ, что когда Кылдысинъ жилъ на землѣ, тогда и урожаи были несравненно обильнѣе, и охота за звѣрями и птицами была удачнѣе, такъ что вообще людямъ жилось гораздо лучше, нежели теперь. И вотъ одинъ разъ вотяки, собравшись на моленіе на высокомъ берегу рѣки подъ большой, старой березой, всей деревней, гдѣ были и земледѣльцы, и охотники, порѣшили не расходиться до того времени, пока не призовутъ Кылдысина вновь на землю.

Много жертвъ принесли они здѣсь; много дней и ночей молились они напролетъ, пока Кылдысинъ, наконецъ смилостивившійся надъ ними, не спросилъ: «что имъ надо»? Вотяки отвѣчали ему, что они просятъ его снова сойти на землю и пожить здѣсь, какъ онъ жилъ при ихъ предкахъ. «Не могу я сойти къ вамъ», отвѣчалъ имъ Кылдысинъ, «потому что разъ далъ обѣщаніе никогда не жить на землѣ и не властенъ теперь измѣнить этому обѣту». Тогда вотяки стали умаливать его, чтобы онъ явился къ нимъ хотя бы на самое короткое время, расчитывая, что они потомъ и силой заставятъ Кылдысина пожить подолѣе, лишь бы только онъ явился между ними. Противъ этого Кылдысинъ возразилъ, что и ненадолго онъ не можетъ явиться передъ глазами людей, такъ какъ наружный видъ его сдѣлался настолько страшенъ, что люди, увидя его, умрутъ со страха. Въ отвѣтъ на это, вотяки начали упрашивать Кылдысина, чтобы онъ явился имъ не въ своемъ видѣ, а въ видѣ какого-нибудь животнаго: бѣлки или рябчика и т. п. Такую форму для явленія вотяки указывали не безъ разсчета: привыкнувъ охотиться именно за этими животными, они разсчитывали легче захватить Кылдысина въ привычной формѣ своей добычи, нежели въ какой-либо другой.

Не зналъ ли Кылдысинъ объ умыслахъ вотяковъ, или и зналъ, но зналъ и то, что всѣ ихъ ковы будутъ напрасны, какъ бы то ни было, онъ согласился исполнить горячее моленіе своихъ поклонниковъ и на вершинѣ березы, подлѣ которой совершалось моленіе, вдругъ явилась очень красивая бѣлка въ красной (лѣтней) шкуркѣ. Стоявшіе около дерева вотяки-охотники

думали не долго: они сейчасъ же прицѣлились и выстрѣлили изъ своихъ луковъ такъ удачно, что бѣлка, убитая наповалъ, покатилась по вѣтвямъ березы на землю; но еще не коснулась послѣдней, какъ на землю полетѣла одна бѣличья шкурка, а сама бѣлка обратилась въ рябчика, который и потянулъ черезъ поле къ лѣсу. Снова подняли свои луки опытные лѣсовальщики и снова ихъ мѣткія стрѣлы нанесли смертельный ударъ: мертвымъ упалъ рябчикъ на землю, но, при первомъ соприкосновеніи съ послѣдней, вспорхнулъ тетеревомъ, который быстрыми взмахами крыльевъ полетѣлъ черезъ рѣку, чтобы спастись отъ охотниковъ. Но отъ молодцовъ-стрѣлковъ улетѣть не легко: луки снова натянулись, съ визгомъ помчались стрѣлы, и бездыханнымъ падаетъ тетеревъ на воду, гдѣ сейчасъ же превращается уже не въ птицу и не въ звѣря изъ опасенія новыхъ ловкихъ выстрѣловъ, но въ рыбу—окуня, который по самому дну рѣки убѣгаетъ въ невѣдомое пространство: по словамъ однихъ, на небо, а по словамъ другихъ—въ подземные чертоги.

Ключевская волость.

4. Любимецъ Квазя.

Когда-то въ старые годы жилъ въ одномъ селеніи вотякъ, который съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ не пропускалъ ни одного моленья, но всегда шелъ своевременно въ лѣсъ и приносилъ съ собою съ избыткомъ то, что ему нужно было приносить для жертвы. За это всѣ боги его очень любили, но больше всѣхъ почему-то любилъ его *Квазь*.

Въ одно лѣто стояла въ той странѣ страшная жара и засуха, и что старики ни дѣлали, а дождь все не шелъ. Тогда этотъ вотякъ рѣшился попросить у самого *Квазя* немного дождя на свои полосы. Взялъ онъ изъ дома гуся да утку и, придя подъ вечеръ въ лѣсъ, принесъ тамъ какъ слѣдуетъ жертву *Квазю*, горячо помолился ему, съѣлъ птицъ и сейчасъ же на мѣстѣ жертвоприношенія залегъ спать. Ночью во снѣ является ему *Квазь*, будитъ его и говоритъ: «встань, мой любезный (яратоно)! не печалься ни о чемъ! твои полосы будутъ орошены дождемъ». Всталъ вотякъ, пошелъ домой; и дѣйствительно, въ то же утро дождь полилъ всѣ близкія къ деревнѣ полосы вотяка, но *Квазь* позабылъ, какія именно полосы принадлежатъ мужику въ дальнихъ поляхъ, и потому, явившись мужику опять во снѣ, прика-

залъ, чтобы тотъ пришелъ въ лѣсъ снова и указалъ, какіе именно участки земли принадлежатъ ему вдали отъ селенія. Между тѣмъ мужикъ уже жалѣлъ, что только однѣ его полосы поливаются дождемъ, а у родныхъ его дождя не бываетъ, и проснувшись, рѣшился молить *Квазя* и о полосахъ своихъ родственниковъ. Взявъ съ собою 2-хъ гусей и 2-хъ утокъ, онъ къ ночи опять пошелъ въ лѣсъ, принесъ тамъ жертву, помолился, перечисливъ въ молитвѣ не только свои полосы, но и полосы своихъ родныхъ, и опять легъ спать на мѣстѣ жертвоприношенія. *Квазь* опять на зарѣ разбудилъ мужика и обѣщался исполнить его просьбу, а утромъ дождь полилъ всѣ, указанныя вотякомъ въ молитвѣ полосы. Тогда вотяку стало жаль и сосѣдей, и онъ, ободренный двукратной удачей, опять пошелъ въ лѣсъ, принесъ *Квазю* еще больше гусей и утокъ, но, не смѣя прямо просить за чужихъ, сказалъ богу, что тотъ полилъ еще не всѣ полосы, а чтобы опять не вышло ошибки, просилъ *Квазя* полить весь участокъ земли, принадлежащій деревнѣ. *Квазь* понялъ его хитрость, но ему понравилось доброе чувство, и дождь полилъ полосы всѣхъ сосѣдей благочестиваго мужика, такъ что не только одна семья, но и цѣлая деревня избавилась отъ засухи только потому, что одинъ изъ среды умѣлъ угодить богу *Квазю*.

Юмская волость.

б) Легенды о богатыряхъ.

5. Легенда Чортова городища (въ селѣ Балезинѣ).

Въ старинные годы, когда русскіе еще не пришли въ эту сторону, вотяки были покорны своимъ князьямъ, и русскимъ трудно было ихъ покорить. Поэтому хитрые русскіе придумали, явились въ эту сторону купцами, сначала поссорить народъ съ князьями. Такъ было и въ *Узя* (воршудное названіе рода, служащее и понынѣ у вотяковъ для обозначенія села Балезина). Здѣсь на горѣ, окруженной рѣчками и непроходимыми болотами, жилъ со своими приближенными какой-то *князь (эксэй)*, собиравшій весьма строго подати съ окрестныхъ селеній, но за это храбро предводительствовавшій тогда, когда на страну нападали непріятели. Самъ князь, а также и его приближенные, были богатыри, т. е. люди необыкновенно большаго роста и необыкновенно большой силы. Кромѣ того князь этотъ имѣлъ спо-

собность предвидѣнія и волхвованія: его нельзя было никакъ лишить жизни иначе, какъ только утопивъ его въ водѣ. Подговариваемые русскими, вотяки наконецъ разсердились на жестокость поборовъ, чинимыхъ княземъ и его свитою, и рѣшились убить ихъ и завладѣть ихъ крѣпостью («Каръ») тѣмъ болѣе, что они много слыхали о богатствахъ, хранившихся въ подземельяхъ княжескаго жилища, и очень хотѣли ими воспользоваться, такъ какъ за послѣднее время стали бѣднѣть. Сговорившись между собою на тайныхъ сходкахъ, разъ ночью они подступили къ городу князя, зажгли жилища, и послѣ долгой, упорной сѣчи схватили самого князя и утопили его въ сосѣдней болотинѣ. Но когда еще только наступала опасность, князь уже успѣлъ наложить зарокъ на тѣ богатства, которыя были скоплены въ его подземельяхъ, и какой это былъ зарокъ, никому до сихъ поръ неизвѣстно. Когда же его топили, тогда онъ предсказалъ, что не пройдетъ 50-ти лѣтъ, какъ придетъ въ эти мѣста другой народъ, который навсегда покоритъ себѣ всѣхъ вотяковъ.

Балезинская волость.

6. Легенды о богатыряхъ Дондинскаго круга.

Въ давно прошедшіе годы на «*Сордыръ*» откуда-то пришелъ жить богатырь-вотякъ, по имени *Донды*, прибывшій сюда съ двумя сыновьями: *Идна* и *Гурья*. На Сордырѣ семья Донды умножилась рожденіемъ ему еще нѣсколькихъ сыновей, между которыми можно указать *Весья* и *Зуй*. Сыновья эти подростали, женились и наконецъ имъ стало уже тѣсно жить на одномъ мѣстѣ; тогда *Донды* пошелъ съ младшими сыновьями вверхъ по небольшой рѣчкѣ (съ тѣхъ поръ носящей его имя) и, верстахъ въ пятнадцати къ СЗ., основалъ новую свою резиденцію, которая получила имя *Донды-каръ*. *Идна* остался на отцовомъ пепелищѣ, а *Гурья* поднялся вверхъ по рѣкѣ. Здѣсь всякій изъ нихъ сдѣлался владѣтельнымъ княземъ, но жизнь свою повели они разно: *Гурья* занялся главнымъ образомъ земледѣліемъ, *Идна*—охотою, а *Донды*—частью земледѣліемъ, а главное промышленностью и торговлею. На новомъ мѣстѣ *Донды* жилъ много лѣтъ. За одного изъ своихъ сыновей взялъ онъ умную и красивую дѣвицу *Эбгу*, и настолько полюбилъ свою молодую сноху, что сыновья заподозрили даже его въ противузаконной связи съ нею и, не изслѣдовавъ хорошенько дѣла, поссорились со стари-

комъ отцомъ и ушли отъ него всѣ въ разныя стороны, гдѣ и основали новые города, крѣпости, на высокихъ угорахъ, не вдалекѣ отъ какой-нибудь рѣки или рѣчки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не находили горъ, чтобы построить *каръ* или крѣпость, тамъ они хватали рукою за пригорокъ, вытягивали его кверху до величины горы, и на этой горѣ поселялись со своими товарищами, такими же богатырями, какъ и сами князья. Они проводили свое время въ занятіяхъ охотой, земледѣліемъ и промыслами, и нерѣдко ссорились съ сосѣдними богатырями, сражались съ ними перебрасываніемъ на сосѣднее городище цѣлыхъ бревенъ или большихъ желѣзныхъ гирь. Такъ, Гурьякарскіе богатыри перекидывались съ Весьякарскими богатырями бревнами, а съ Валезинскими 40 пуд. гирями. Идпакарскіе богатыри кидали гири въ нѣсколько десятковъ пудовъ въ Сепычькарскихъ богатырей, а богатыри Селтакарскіе въ свою очередь кидали бревна въ Идпакарскихъ богатырей, съ которыми у нихъ почему-то вражда бывала особенно часто.

Верстъ на 8 ниже Идпа-кара по Чепцѣ, въ особомъ городѣ жили также богатыри (по всей вѣроятности принадлежавшіе къ дружинѣ Доцды). Эти богатыри разъ поспорили съ богатырями Идпа-карскими, что у нихъ и силы больше, и луки лучше, чѣмъ у Идпа-карскихъ, и что поэтому они стрѣляютъ дальше, чѣмъ послѣдніе. А въ то время Идпа-карскимъ богатырямъ принадлежалъ земельный участокъ немного ниже по теченію Чепцы, рядомъ съ земельными участками Дондинскихъ богатырей. И побились богатыри между собою о закладъ на это мѣсто такъ: если Идпа-карскіе богатыри выстрѣлятъ дальше, то Дондинскіе уступятъ имъ свой городъ и уйдутъ на другое мѣсто; а если они выстрѣлятъ дальше Идпа-карскихъ, то Идпа-карскіе навѣки уступаютъ даромъ имъ свой земельный участокъ. Въ назначенный день богатыри стрѣльнули каждый съ своей горы по направленію къ горѣ соперниковъ, но стрѣлы Идпа-карскихъ богатырей долетѣли только до половины разстоянія между горами, воткнувшись впрочемъ здѣсь въ землю такъ сильно, что образовался пригорокъ (нынѣ называемый *«Вышвая горка»*). Богатыри же Дондинскіе выстрѣлили такъ удачно, что всѣ стрѣлы ихъ попали въ сосны, росшія у Идпа-карскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ закладъ былъ выигранъ ими, и землю, полученную ими отъ

Идна-карцевъ, они назвали «*Утэмъ*» (что значитъ: *выигранный*) и основали здѣсь новый «*каръ*».

На другой сторонѣ рѣки, за Ченцою, владѣнія *Идны* граничили съ *Селта-каромъ* и въ деревнѣ Верхне-Парзинской, Ключевской волости, одна возвышенность до сего времени носитъ названіе «*Идна-каръ дзэзи*» — т. е. *Иднакарскія ворота*. Зимою Селта-карскіе богатыри надѣвали на ноги серебряныя лыжи для посѣщенія богатырей «Каръ-ила» у деревни Карѣпильской, причемъ лыжи эти были такъ устроены, что они въ одинъ мигъ пробѣгали пространство верстъ до 20, заключающееся между этими 2-мя городищами.

У *Донды* было 2 главныхъ мѣста поселенія: *Донды-каръ* и *Донды-гуртъ*, верстахъ въ 6-ти одно отъ другаго, и окрестныя селенія платили ему дань, отчасти произведеніями, а отчасти работою. До сего времени указываютъ близъ Донды-кара слѣды старой дороги отъ Донды-кара къ деревнѣ *Клятуртъ*, жители которой будто бы ежедневно ходили къ *Дондѣ* работать на его поляхъ. *Донды* обыкновенно разъѣзжалъ на своей лошади, чрезвычайно быстрой, сильной и легкой, которая могла перескочить черезъ всякую рѣку, не нуждаясь въ мостахъ, и дожилъ до глубокой старости, когда его зарѣзали клевреты снохи его *Эби*. Но едва только *Донды* испустилъ послѣдній вздохъ, какъ былъ Инмаромъ превращенъ въ бѣлаго лебедя, и въ этомъ образѣ до настоящаго времени покровительствуетъ всѣмъ вотякамъ, которые не забываютъ его поминать.

О судьбѣ *Гурья*, *Весья* и разныхъ другихъ сыновей Донды, а также и объ ихъ смерти ничего нельзя сказать; извѣстна только судьба *Идны* и *Эби*. *Идна*, не смотря на свой княжескій санъ, жилъ очень просто, съ одною бабою, въ простой квалѣ, и ежедневно ходилъ на охоту, при чемъ зимою отличался отъ прочихъ охотниковъ тѣмъ, что надѣвалъ не деревянныя, а золотыя лыжи. Когда онъ дожилъ до преклоннаго возраста, онъ впередъ узналъ, что скоро придутъ русскіе и, желая увѣковѣчить свое имя, произнесъ заклинаніе: взялъ самый большой свой лукъ, четыре раза натягивалъ его какъ можно туже и выпустилъ 4 стрѣлы на четыре стороны свѣта, сказавъ при этомъ: «*пусть имя мое будетъ вѣчно извѣстно и пользуется уваженіемъ внутри того мѣста, которое я обстрѣлялъ своими стрѣлами*»! *Идна* дожилъ до появленія русскихъ въ краѣ и, какъ князь своего народа,

долго велъ съ ними борьбу, скрываясь послѣ неудачныхъ битвъ въ своемъ городѣ (Идна-карѣ), построенномъ на высокой возвышенности при впаденіи въ Чепцу рѣки Пызепа. Кромѣ этого города у него были и другіе города, и онъ часто и безъ всякаго страха переѣзжалъ изъ одного города въ другой, благодаря своимъ 3-мъ лошадямъ: саврасой, вороной и пѣгой. Эти лошади были такъ сильны, что могли пробѣгать въ одну упряжку до 200 верстъ безъ корма, и русскимъ очень долго не удавалось его схватить. Но разъ русскіе, узнавъ, по какой дорогѣ долженъ ѣхать *Идна*, подпилили бревна, на которыхъ держался мостъ черезъ одну рѣку, а сами сѣли засадой въ кустахъ по берегу этой рѣки. *Идна*, дѣйствительно, вскорѣ прискакалъ къ этому мосту на вороной лошади, но, подъѣзжая къ мосту, лошадь почуяла вражескій запахъ, поняла грозившую *Идну* опасность и ни за что не захотѣла идти на мостъ. *Идна* долго бился съ нею, потомъ пересѣлъ на саврасую лошадь, но и та также отказалась идти. Тогда *Идна* пересѣлъ на пѣгую лошадь, и эта лошадь, не имѣя чутья своихъ подругъ, безпрекословно помчала его черезъ мостъ, который разрушился прежде, чѣмъ *Идна* успѣлъ доскакать до середины. Схватили ли *Идну* русскіе, или онъ утонулъ въ рѣкѣ, неизвѣстно, но этотъ случай далъ вотякамъ поводъ составить пословицу (понынѣ ими употребляемую), что «пѣгая лошадь можетъ считаться лошадью только при неимѣніи другихъ лошадей» [1]).

Сноха *Донды*, *Эбга*, жившая сначала, послѣ семейнаго разлада, при *Дондѣ*, черезъ приближенныхъ лицъ убила своего мужа, мстя ему за позорное обвиненіе въ кровосмѣшеніи со свекромъ, и *Донды*, узнавъ объ этомъ, прогналъ ее отъ себя. Тогда она со своими приближенными основала *Эбга-каръ*, вѣроятно на границѣ тогдашнихъ владѣній *Донды;* но и послѣ этого она сохранила, повидимому, нѣкоторыя сношенія со своимъ свекромъ, такъ какъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ ея вдовой жизни, она, неизвѣстно отъ кого, родила сына, то именно дѣдъ, *Донды*, былъ призванъ дать новорожденному имя. Къ крайнему гнѣву *Эбги*, *Донды* назвалъ своего незаконнаго внука: «*Чибинь*» (что по вотски собственно значитъ: «*комаръ*», но въ *переносномъ смыслѣ* можетъ значить: «*ничтожный человѣкъ*, *человѣкъ*, *не заслужи-*

---

[1]) Пѣгой валъ валтэмлэсь валъ.

вающій уваженія») и, давъ ему въ удѣлъ участокъ земли, подальше отъ своего города и даже вдали отъ города его матери (гдѣ и возникъ *Чибинь-каръ*). Возмущенная ли этимъ именемъ, или почему-либо другому, *Эбга*, черезъ своихъ клеветовъ, зарѣзала старика своего свекра, но тотъ, умирая, успѣлъ ее проклясть, присудивъ ей, чтобы она, послѣ своей смерти, вѣчно жила въ сырыхъ и темныхъ подземельяхъ Эбга кара, выходя оттуда только одинъ разъ въ годъ. Сама *Эбга* въ концѣ концовъ была утоплена въ Чепцѣ кѣмъ-то (по всей вѣроятности, мстителями за смерть *Донды*), но, согласно съ проклятіемъ *Донды*, продолжаетъ жить и до сихъ поръ въ Эбга-карской горѣ, только разъ къ годъ [1]) выходя оттуда на старую вѣтвистую елку въ одномъ бѣльѣ, которое здѣсь она и просушиваетъ отъ сырости. О судьбѣ *Чибиня* и о другихъ богатыряхъ этого круга неизвѣстно ничего.

в) Легенды о началѣ вещей.

7. Легенда о происхожденіи различія въ религіозныхъ обрядахъ русскихъ, татаръ и вотяковъ.

Въ прежніе годы, когда-то давно, у русскихъ, у татаръ и у вотяковъ была одинаково своя грамотность, вѣры ихъ были въ одинаковомъ почетѣ, да и молитвы ихъ совершались одинаково, хотя они и разно называли своего бога. Въ это-то время, въ одинъ изъ холодныхъ осеннихъ вечеровъ, сошлись гдѣ-то на полѣ 3 жреца-родоначальника: русскій, татаринъ и вотякъ, изъ которыхъ каждый былъ одѣтъ въ свой національный костюмъ. Долго ли, коротко ли они разговаривали между собою, какъ вдругъ начали спорить: какая вѣра должна считаться старшей на землѣ, т. е. какая вѣра справедливѣе? и порѣшили, разложивъ для защиты отъ ночнаго холода большой костеръ, встать всѣмъ тремъ сейчасъ же вокругъ этого костра и начать молиться каждому по своей книгѣ и кто дольше всѣхъ промолится, того и вѣра правильнѣе! Приступая къ молитвѣ, всѣ три жреца сначала было сняли съ себя шапки, и такъ какъ у татарина подъ шапкою была на головѣ надѣта ермолка, которую онъ на головѣ и оставилъ, а у русскаго голова заросла густыми длинными волосами, между тѣмъ какъ у вотяка волосы были рѣдки.

[1]) Неизвѣстно, когда именно.

да и обстрижены коротко, то татаринъ и русскій не надѣвали шапокъ до конца моленья, а вотяку скоро стало знобить голову, и онъ долженъ былъ надѣть на голову шапку.

Долго они читали свои книги, но съ самаго начала всѣхъ бодрѣе былъ русскій, выспавшійся послѣ обѣда, когда татаринъ и вотякъ не спали; однако къ утру и русскій сталъ дремать: стоитъ онъ—стоитъ, вдругъ клюнетъ носомъ въ книгу и опомнится: подниметъ свою голову и обмахнется какъ бы отъ мухъ. Раньше другихъ совсѣмъ заснулъ вотякъ, которому шапка согрѣла голову: потомъ сталъ дремать и татаринъ, и не слыша, что книгу у него изъ рукъ уже унесло вѣтромъ въ поле, сквозь сонъ, обманывая своихъ соперниковъ, продолжалъ смотрѣть на свои сложенныя вмѣстѣ руки и бормотать молитвы, пока, очнувшись, не протеръ себѣ обѣими руками глаза и не увидѣлъ, что у него въ рукахъ книги нѣтъ. Сейчасъ же бросился онъ за ней и успѣлъ догнать ее на полѣ. Между тѣмъ вотякъ уснулъ такъ крѣпко, что опустилъ свои руки, уронивъ при этомъ свою книгу прямо въ костеръ, и когда проснулся на шумъ, причиненный татариномъ, то увидѣлъ, что книга его уже почти вся сгорѣла. Со сна, желая какъ-нибудь спасти книгу, онъ сначала выплеснулъ изъ бурака въ костеръ кумышку, которая была при немъ, а когда костеръ отъ кумышки запылалъ еще ярче, то сталъ вытряхивать сюда изъ мѣшка свои съѣстные припасы, но такими пожертвованіями уже не могъ спасти книги, которая и сгорѣла дотла.

Такъ какъ только одинъ русскій удержалъ книгу въ рукахъ и стоялъ, повидимому, совершенно бодро, то и вѣра русская была признана выше татарской и вотской, при чемъ вотская вѣра признана ниже татарской. Самая грамотность сохранилась только у русскихъ да у татаръ; у вотяковъ же исчезла безслѣдно.

На память объ этомъ случаѣ установились и богослужебные обряды этихъ трехъ народовъ: отмахнувшійся и клевавшій носомъ русскій сталъ креститься и кланяться; татаринъ началъ бормотать свои молитвы вполголоса, глядя въ свою пустую горсть и изрѣдка протирая себѣ руками оба глаза; а вотякъ, накрывшись шапкою, сталъ приносить жертву богу, поливая на огонь кумышку и сжигая здѣсь разные съѣстные припасы.

Гынинская волость.

8. Легенда о книгѣ.

Въ старинные годы всѣ вотяки жили въ одной мѣстности, при чемъ старикъ отъ старика научался и богамъ молиться, и суды судить. Въ то время народъ былъ очень уменъ, такъ что всякій степенный человѣкъ могъ отвѣтить на все, о чемъ бы его ни спрашивали. По современемъ вотяковъ народилось слишкомъ много, поэтому они раздѣлились и разошлись по разнымъ странамъ, сперва не особенно отдаленнымъ, такъ что собирались по временамъ всѣ вмѣстѣ молиться и даже на судъ являлись въ одно мѣсто, но потомъ разселились они такъ широко, что сходиться вмѣстѣ имъ стало нельзя и старые люди не могли помогать другъ другу своими совѣтами и указаніями. Тогда на *кэнешь* постановили люди: для того, чтобы не забыть порядокъ молитвъ и судопроизводства, записать эти порядки въ книгу и сохранить книгу на вѣчныя времена, позволяя желающимъ по ней учиться. И сдѣлали они книгу, употребивъ вмѣсто бумаги бересту и записавъ на берестяныхъ листахъ тамгами, какъ надо богамъ молиться и судъ чинить надъ людьми. Положили они эту книгу на высокомъ бѣломъ камнѣ и поселили подлѣ этого камня старика-жреца, чтобы онъ стерегъ книгу.

Еще ранѣе написанія книги люди уже не очень часто сходились на моленіе, но все же старики, опасаясь забыть порядокъ службы, время отъ времени назначали общественныя жертвоприношенія; когда же была написана книга, такихъ опасеній возникать уже не могло, и на моленія стали собираться чрезвычайно рѣдко. Разгнѣванный этимъ Инмаръ послалъ тогда на землю большую бѣлую корову, которая, во время сна жреца—сторожа книги, подошла къ бѣлому камню и съѣла безъ остатка берестяную книгу, а для того, чтобы вотяки не могли вновь написать такой же книги, Инмаръ отнялъ у нихъ знаніе тамгъ, которое они прежде имѣли, оставивъ у каждаго на памяти лишь только его собственную тамгу. Съ тѣхъ-то поръ вотяки стали много глупѣе, чѣмъ были прежде: позабывъ прежніе обряды и молитвы и переставъ слушать стариковъ, они уже на всѣ вопросы отвѣчаютъ только: *«уг тодскы! уг валаськы»!* (Не знаю! не понимаю!)

Еловская волость.

9. Варіантъ той же легенды.

У вотяковъ былъ записанъ тамгами въ берестяной книгѣ порядокъ богослуженія и суда, и книга эта охранялась самымъ старшимъ и уважаемымъ жрецомъ до самаго прихода русскихъ.

Когда русскіе начали распространять христіанство въ этомъ краѣ, они особенно сильно преслѣдовали жрецовъ и тогда сторожъ книги, опасаясь за ея храненіе подвергнуться какимъ нибудь мученіямъ со стороны русскихъ, порѣшилъ ее сжечь, а чтобы сохранить въ памяти народа порядокъ молитвъ и суда, онъ призвалъ къ себѣ 12 молодыхъ учениковъ и 12 дней и ночей читалъ имъ эту книгу, а они за нимъ пѣли, пока не выучили ее наизусть. Книгу сжегъ онъ тайно отъ жрецовъ, а когда тѣ узнали объ ея исчезновеніи и стали спрашивать его: какъ же люди будутъ молиться впередъ безъ книги? тогда старикъ указалъ имъ на двѣнадцать человѣкъ, имъ выученныхъ, и сказалъ: «каждый изъ этихъ двѣнадцати можетъ легко выучить еще двѣнадцать человѣкъ, а потому порядокъ молитвъ и суда теперь уже никогда не позабудется».

Балезинская волость.

10. Легенда о происхожденіи пятенъ на лунѣ.

Въ старинные годы, когда люди были много добрѣе, чѣмъ теперь, въ одной деревнѣ женился мужикъ на второй женѣ, а отъ первой жены у него оставалась дочка. Не взлюбила баба свою падчерицу и стала ее постоянно преслѣдовать, а когда вскорѣ мужъ ея умеръ, она еще больше стала бранить и бить ее. Никому на землѣ не жаловалась бѣдная дѣвушка на свою несчастную долю, только въ ясныя ночи, когда уже всѣ въ деревнѣ спали, она лунѣ разсказывала о своихъ страданіяхъ.

Наконецъ злая баба рѣшилась совсѣмъ извести свою падчерицу, но не желая убивать ее лично, чтобы не попасться подъ судъ, она прогнала ее въ Рождественскую полночь на прудъ съ ведрами принести изъ проруби воды, разсчитывая, что Вожо схватятъ и растерзаютъ дѣвушку. Со смертельнымъ страхомъ пошла дѣвушка исполнять приказаніе мачихи и по дорогѣ такъ печально припѣвала, обращаясь къ лунѣ, что послѣдняя сжалилась надъ нею и, схвативъ ее съ земли, притянула ее къ себѣ. Стоитъ только въ ясную ночь внимательнѣе поглядѣть на пол-

ную луну, чтобы и теперь увидѣть на ней дѣвушку съ ведрами на коромыслѣ.

Лудошурская волость.

11. Легенда о хлѣбныхъ колосьяхъ.

Въ старинные годы хлѣбъ на поляхъ росъ не въ такомъ видѣ, какимъ мы его видимъ теперь: онъ былъ и кустистѣе, и выше, а главное, соломины совсѣмъ почти не было, а во всю вышину надземной части хлѣбнаго растенія шелъ колосъ, начинающійся почти отъ самой земли. Это было не только въ вѣкъ Кылдысина, но и долго послѣ того, какъ онъ ушелъ съ земли; было бы вѣроятно такъ и до сихъ поръ, если бы не бабья глупость. Въ какомъ-то селеніи на праздникъ «*Дзэкъ Гэрбэра*» собрались въ полѣ всѣ жители деревни, и бабы принесли съ собою своихъ маленькихъ ребятишекъ. Дни тогда стояли жаркіе, и большинство ребятишекъ страдало разстройствомъ желудка. Желая соблюсти чистоту, бабы стали срывать въ полѣ цѣлые пучки наливающихся колосьевъ и обтирать ими своихъ ребятишекъ. Когда Кылдысинъ увидѣлъ такое неуважительное отношеніе къ хлѣбнымъ зернамъ, которыхъ онъ создатель и хранитель, онъ такъ разгнѣвался, что повелѣлъ всѣмъ хлѣбнымъ растеніямъ не произращать болѣе ни одного зерна, но расти вверхъ пустыми соломинами. Будучи такъ жестоко наказаны, люди стали горько плакать и приносить жертвы Кылдысину; но Кылдысинъ уже не слушалъ просьбъ человѣка. Въ плачевныхъ пѣсняхъ началъ тогда человѣкъ выражать свое горе передъ всѣми животными и всею природою, пока наконецъ собака не сжалилась надъ людьми и не рѣшилась выступить за нихъ заступницею передъ Кылдысиномъ. «Когда ты творилъ колосъ», сказала она Кылдысину, «ты между прочимъ творилъ его и на мою долю, предназначалъ часть хлѣба для моего пропитанія. Что же я теперь тебѣ сдѣлала, что ты у меня отнялъ мой пай и заставляешь меня умирать съ голоду»? Кылдысинъ понялъ, что собака хлопочетъ не столько для своихъ выгодъ, сколько въ интересахъ человѣка, но, уже нѣсколько смягченный раскаяніемъ людей и ихъ жертвами, а вмѣстѣ съ этимъ тронутый любовію собаки къ человѣку, снова велѣлъ хлѣбнымъ растеніямъ приносить зерна, но только на самой верхушкѣ соломины, колосомъ длиною не болѣе со-

бачьяго носа. Съ тѣхъ поръ человѣкъ и получаетъ отъ земли уже не свой пай, а собачью часть (*«пуныгэнъ люкетэзъ»*).

Гыинская волость.

12. Легенда о владычествѣ татаръ.

Старики говорили намъ, что прежде чѣмъ пришли сюда русскіе, вотяки жили не сами по себѣ, а были въ подчиненности у татаръ, которыми правилъ тогда особый царь, котораго вотяки называли *«Кунъ»*. Сначала татары брали съ вотяковъ только оброкъ: извѣстную часть сноповъ съ поля, извѣстную часть птицы и звѣря изъ лѣса и извѣстную же часть рыбы изъ воды, и вотяки на это не были въ большой обидѣ; но потомъ татаръ становилось все больше и больше; они стали требовать, чтобы вотякъ, ставъ на четвереньки, подставлялъ свою спину, когда татарину нужно было влѣзать на лошадь, и не позволяли жениться ни одному парню на дѣвушкѣ ранѣе, нежели дѣвушка эта пробудетъ у татарина наложницею 4—5 дней. Наконецъ вотякамъ надоѣло переносить подобныя притѣсненія: они призвали къ себѣ русскихъ, которые по этому зову пришли и, прогнавши татаръ, стали править вотяками посвоему.

Гыинская волость

II. СКАЗКИ,

ихъ особенности и содержаніе.

Хотя число собранныхъ нами сказокъ не настолько значительно, чтобы дать намъ право дѣлать какіе-либо рѣшительные выводы; но, насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, особенности вотскихъ сказокъ слѣдующія:

1) Средоточіемъ различныхъ отношеній является въ вотскихъ сказкахъ главнымъ образомъ человѣкъ; сказки, дѣятелемъ которыхъ являлись бы одни животныя, весьма рѣдки.

2) Ни въ одной сказкѣ, полученной нами, мы не видимъ одухотворенія неодушевленныхъ предметовъ и даже животныя, встрѣчающіяся на ряду съ человѣкомъ (если только они не оборотни), весьма рѣдко имѣютъ человѣческія свойства.

3) Всѣ имѣющіяся у насъ сказки относятся уже къ земледѣльческому періоду жизни вотяковъ, и нѣтъ ни одной сказки, которая бы указывала на житье въ чумахъ, отдѣльными семействами.

4) Нельзя не отмѣтить бѣдность вымысла, вслѣдствіе чего дѣйствующія лица разныхъ сказокъ являются въ совершенно одинаковыхъ положеніяхъ. Таковъ, напримѣръ, нерѣдкій случай провала въ дупло и избавленія отсюда медвѣдемъ и т. п. Другія же сказки (напримѣръ №№ 20, 21, 24, 26 и т. п.) заключаютъ въ себѣ такъ мало фантастическихъ образовъ, что могутъ быть сочтены разсказами изъ дѣйствительной жизни.

5) Въ самомъ изложеніи сказокъ, какъ мы получили ихъ на вотскомъ языкѣ, замѣчается отрывочность отдѣльныхъ мыслей сказки, нерѣдко кончающейся ничѣмъ, т. е. скорѣе какъ бы прерывающейся, нежели кончающейся. Эта особенность не могла не отразиться и на самомъ русскомъ текстѣ сказокъ, приводимомъ у насъ, такъ какъ хотя мы и старались дать сказкамъ форму связнаго и живаго разсказа, но въ то же время не желали далеко уклоняться отъ подлиннаго текста сказокъ, удаляясь отъ буквальнаго перевода лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такой переводъ являлся совершенно невозможнымъ.

Вотскій текстъ сказокъ, собранныхъ нами, не могъ имѣть особенной важности, даже для филологовъ, интересующихся вотскимъ языкомъ, такъ какъ большинство сказокъ записано со словъ школяровъ, плохо выражающихъ свои мысли даже на своемъ

родномъ языкѣ и потому допускавшихъ множество неправильностей и ошибокъ въ построеніи фразъ. Между тѣмъ введеніе вотскаго текста въ нашъ сборникъ значительно увеличило бы труды наборщиковъ и корректора и самый объемъ книги, чего мы старались избѣжать.

Разсматривая подробно содержаніе собранныхъ сказокъ, легко замѣтить въ нихъ отдѣльныя группы, различающіяся между собою по тѣмъ дѣятелямъ, которые въ нихъ играютъ первую роль, и съ этой точки зрѣнія данныя сказки могутъ быть раздѣлены на XI группъ, а именно:

1) Къ первой группѣ можно отнести такія сказки, въ которыхъ животныя представляются единственными дѣятелями, а о человѣкѣ не упоминается ни слова.

2) Ко второй—будутъ принадлежать сказки, въ которыхъ на ряду съ животными выходитъ на сцену и человѣкъ, но животныя играютъ роль болѣе дѣятельную.

3) Къ третьей группѣ отойдутъ сказки, въ которыхъ первенствующую роль играютъ уже люди, а животныя являются дѣятелями второстепенными.

4) Въ четвертой группѣ животныя являются совершенно пассивными существами, а дѣятелями являются одни люди.

Изъ животныхъ и птицъ упоминаются въ этихъ четырехъ группахъ сказокъ: а) *медвѣдь* (въ №№ 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 22), б) *волкъ* (въ №№ 3, 7, 8, 16, 17), в) *заяцъ* (въ №№ 3, 4, 7, 8), г) *кошка* (въ №№ 1, 2, 3 и 23), д) *лиса* (въ №№ 5 и 15), е) *козелъ и коза* (въ №№ 4 и 6), ж) *журавли* (въ № 10).

5) Въ пятой группѣ на сцену являются исключительно одни люди.

6) Въ шестой группѣ разсказывается о разныхъ случаяхъ добычи клада.

7) Въ седьмой—говорится объ оборотняхъ, людоѣдахъ, олицетвореннихъ болѣзняхъ и т. п. нечисти.

8) Къ восьмой группѣ относятся сказки, въ которыхъ дѣятелями являются «*Вожо*».

9) Къ девятой группѣ принадлежатъ сказки о «*Ву-муртѣ*».

10) Къ десятой—сказки объ отношеніяхъ «*Ву-муртовъ*» къ *Нюлэсъ-муртамъ* и о «*Нюлэсъ-муртахъ*».

Сказка № 76 стоитъ совершенно отдѣльно, являясь един-

ственной представительницею XI группы сказокъ, въ которыхъ на ряду съ человѣкомъ выходятъ дѣятелями заразъ нѣсколько различныхъ божествъ, добрыхъ и злыхъ.

Лица, дѣйствующія въ сказкахъ, обозначаемыя по національности, встрѣчаются: а) *вотякъ* (въ большинствѣ сказокъ), б) *татаринъ*, в) *русскій* (№ 31) и г) *черемисинъ* (№ 33). Будучи же обозначены по занятіямъ встрѣчаются: а) *попы* (№№ 18, 22, 26, 29, 30, 47, 57, 73), б) *попадья* (№ 71), в) *поповна* (№№ 47 и 57), г) *купецъ и купеческая дочь* (№ 39), д) *мельникъ* (№№ 35, 65, 66), е) *солдаты* (№№ 23, 40, 41, 49, 50), ж) *работникъ у попа* (№№ 22, 29 и 30), з) *работникъ у богачей* (№№ 24, 59), і) *работникъ у Ву-муртовъ* (№ 55), и) *работникъ у Нулэсъ-Мурта* (№ 71), к) *нищіе* (№№ 8, 26), л) *охотники* (№№ 16, 33, 42, 43, 70, 75, 76), м) *рыбаки* (№№ 54 и 63), н) *разбойники и воры* (№№ 16, 17, 31, 32, 33), а въ большинствѣ остальныхъ дѣйствуютъ вообще мужики (бабы, парни, дѣвки и даже маленькія дѣти). Въ сказкахъ (№№ 11 и 58) однимъ изъ дѣятелей является *«сѣдунъ»*. Это вотское слово обозначаетъ человѣка (или даже животное) съ уродливо-развитыми формами, чаще всего карлика, которому взамѣнъ его физическихъ недостатковъ сказка придаетъ особыя физическія или психическія силы. Этотъ *«сѣдунъ»* замѣняетъ въ вотскихъ сказкахъ того *«третьяго брата дурачка»* русскихъ сказокъ, который обыкновенно является побѣдителемъ не только своихъ двухъ умныхъ братьевъ, но и всѣхъ сильныхъ богатырей и знатныхъ князей.

Двѣ сказки (№№ 27 и 28) выставляютъ дѣятелемъ дурня—бабина сына и заимствованы вотяками у русскихъ. Въ настоящій сборникъ онѣ допущены лишь потому, что въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя варіаціи, приправляющія содержаніе ихъ къ мѣстному быту, почему ихъ и нельзя считать только переводомъ русскихъ сказокъ, а скорѣе передѣлкою.

Вообще же въ предлагаемое собраніе включены лишь такія сказки, которыя носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ мѣстнаго происхожденія, и отбрасывались такія сказки, которыя могли быть взяты у русскихъ. Между сказками, отвергнутыми по этой причинѣ, нельзя не указать почти всѣхъ сказокъ, приведенныхъ въ *«Родномъ Словѣ»* и въ другихъ *«книгахъ для чтенія»*, употребляемыхъ въ мѣстныхъ школахъ. Какъ оказалось по разспросамъ, такія сказки записаны для насъ не только потому, что со-

бирались черезъ учениковъ того или другаго училища, а и потому, что, дѣйствительно, изъ школы уже проникли въ семьи и получили здѣсь, такъ сказать, право гражданственности. Кромѣ того не могли войти въ нашъ сборникъ многія вотскія сказки вслѣдствіе нецензурности ихъ содержанія или рѣзкой и совершенно безосновательной грубости въ изображеніи дѣятелей этихъ сказокъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Наконецъ не вошли въ сборникъ и такія сказки, въ которыхъ разсказываются подробно разныя случаи городской жизни, не вошли потому, что вотякамъ эти условія слишкомъ мало извѣстны, а потому и сказки эти являются заимствованіемъ отъ русскихъ, дѣйствительно оказываясь сходными по своему содержанію съ русскими сказками, помѣщенными въ сборникѣ Аѳанасьева.

Въ заключеніе замѣтимъ, что у вотяковъ рѣдко старые люди разсказываютъ сказки молодежи, какъ это бываетъ у русскихъ. Мать и отецъ разсказываютъ сказки своимъ маленькимъ дѣтямъ только до тѣхъ поръ, пока сами не особенно состарились, но дѣдъ или бабка будутъ внукамъ охотно говорить о старинѣ, а разсказывать сказку, вымыселъ, считаютъ для себя уже неприличнымъ. Поэтому знаніе сказокъ укрѣпляется и распространяется между вотяками единственно благодаря зимнимъ посидѣлкамъ, особенно на святкахъ, когда разсказываніе сказокъ и загадываніе загадокъ составляетъ обязательную часть содержанія вечера. Судя по названію сказокъ: «*Вожо-мадь*», представляется возможнымъ допустить мысль, что въ древности святочныя посидѣлки были посвящены «*Вожо*», и однимъ изъ обрядовъ культа «*Вожо*» въ это время были разсказы разныхъ фактовъ изъ дѣятельности «*Вожо*». Поздиѣе къ этимъ разсказамъ о «*Вожо*» примкнули разсказы о *Ву-муртъ*, *Нюлэсъ-муртъ* и о разныхъ другихъ второстепенныхъ божествахъ, объ оборотняхъ и о кладахъ, а затѣмъ о разбойникахъ и т. д. до сказокъ изъ повседневной жизни обыкновенныхъ смертныхъ.

ВОТСКІЯ СКАЗКИ.

Удмортъ Вожо-мадьесъ.

Группа I-я.

1. Первые уроки котенка.

Жила-была кошка съ котенкомъ и котенекъ былъ маленькій и глупенькій. Однажды онъ увидѣлъ на крышѣ лучъ солнца и думая, что это должно быть какое-либо вкусное кушанье, полѣзъ на домъ и уже совсѣмъ было добрался до крыши, какъ вдругъ изъ подъ застрѣхи выпорхнулъ воробей. Котенокъ думалъ про себя: «нѣтъ! лучше я его сначала съѣмъ. чѣмъ далеко лазить!» и кинулся за воробьемъ. Воробей-то улетѣлъ, а котенокъ упалъ на землю и сильно ушибся. Тогда кошка, утѣшая котенка, сказала ему: «твое дѣло—ловить только мышей»! Котенокъ выслушалъ наставленіе матери и обѣщался про себя никогда его не забывать. Прошло немного времени. Котенокъ выздоровѣлъ и, отправившись въ лѣсъ, поймалъ тамъ мышку, которую во рту и понесъ домой, чтобы показать матери. По дорогѣ ему нужно было въ одномъ мѣстѣ переходить по жердочкѣ черезъ ручей и, когда онъ шелъ по этой жердочкѣ, онъ замѣтилъ въ водѣ свою тѣнь и опять подумалъ про себя: «лучше я отыму сначала у того котенка его мышь»! выпустивъ изо рта свою мышку, онъ кинулся въ воду. Тѣни-то онъ, конечно, не поймалъ да и самъ-то едва было не утонулъ, такъ что мокрый и грязный вернулся опять къ своей матери. Но теперь кошка не стала утѣшать его. а даже побила его и снова сказала, что онъ долженъ дѣлать только свое дѣло- ловить мышей, а не гоняться за всѣмъ, что попадаетъ на глаза. Котенокъ съ этихъ поръ больше не забывалъ наставленій своей матери.

Лудошурская волость.

2. Невѣдомый ужасный звѣрь.

У одного вотяка издохла корова. Поплакалъ вотякъ да и выбросилъ ее на поле. Пришелъ медвѣдь ее ѣсть. Наѣлся до сыта и ушелъ домой. оставивъ часть коровы на другой день себѣ на закуску. Идетъ медвѣдь на другой день рано утромъ и видитъ: сидитъ на коровѣ какой-то совсѣмъ невиданный звѣрь:

самъ маленькій, а ѣсть и сердится, и все ворчитъ. Медвѣдь побоялся подойти къ нему поближе, а влѣзъ на сосну, чтобы получше разсмотрѣть его. И видитъ онъ: у звѣря на губахъ растутъ длинные усы, а сзади торчитъ что-то въ родѣ кривой сабли. Что это за звѣрь такой? подумалъ медвѣдь и еще больше испугался, сидя на соснѣ. И видитъ медвѣдь: бѣжитъ къ звѣрю большая собака, а звѣрь вдругъ поднялъ шерсть, зафыркалъ и кинулся прямо къ той соснѣ, на которой сидѣлъ медвѣдь. Медвѣдь со страху совсѣмъ было умеръ, упалъ съ сосны на землю и побѣжалъ отъ сосны подальше изо всей мочи. Вотъ какого большаго страху надѣлалъ медвѣдю маленькій звѣрь, который былъ кошка.

Ключевская волость.

3. Союзъ зайца съ котомъ противъ волка съ медвѣдемъ.

Сошлись какъ-то заяцъ съ волкомъ. Заяцъ и думаетъ: а вѣдь волкъ меня съѣстъ, если я не поберегусь; и, подумавъ хорошенько, подружился съ котомъ и вступилъ съ нимъ въ компанію. Волкъ же въ свою очередь боялся зайца и заключилъ условіе съ медвѣдемъ. Идутъ разъ котъ съ зайцемъ, а медвѣдь съ волкомъ увидѣли ихъ и говоритъ волкъ: «смотри-ка товарищъ! изъ нихъ одинъ-то идетъ съ коломъ (котъ съ поднятымъ хвостомъ), а другой съ ухватомъ (заяцъ съ большими ушами); давай прятаться»! Волкъ залѣзъ подъ чащу, а медвѣдь на елку. Вдругъ котъ увидѣлъ мышь и погнался за нею, а мышка побѣжала по направленію къ чащѣ, гдѣ сидѣлъ волкъ. Волкъ, думая, что котъ бѣжитъ за нимъ, выскочилъ изъ подъ чащи и ну, удирать! А котъ, испугавшись волка, бросился на елку, гдѣ сидѣлъ медвѣдь. Медвѣдь въ свою очередь перетрусилъ кота и, опрометью соскочивъ съ елки, побѣжалъ безъ оглядки. Послѣ этого когда сошлись волкъ съ медвѣдемъ и говоритъ медвѣдю волкъ: «ну, братъ! какого я страху набрался, когда онъ на меня наскочилъ»! А медвѣдь отвѣчаетъ: «это еще что!.. А меня онъ чуть-чуть не схватилъ за хвостъ, да къ счастію хвосты у насъ коротки, а будь бы такой, какъ у тебя, такъ мнѣ бы ни за что не сдобровать»!

Уканская волость.

Группа II-я.

4. Похожденія зайца и козла.

Заяцъ и козелъ ходили вмѣстѣ по полю и ѣли траву. Одинъ мужикъ увидѣлъ это и загналъ ихъ себѣ во хлѣвъ за потраву, а поѣсть не далъ. Посидѣли, посидѣли заяцъ съ козломъ и стало имъ скучно. Заяцъ толкнулъ дверь; не отворяется! тогда козелъ разогнался, ударилъ лбомъ дверь и сразу проломилъ въ ней дыру, перекинулъ въ эту дыру зайца, а потомъ и самъ въ нее выпрыгнулъ на дворъ. Но и на дворѣ были заперты ворота; тогда козелъ, не долго думая, проломилъ и ворота и ушли они вмѣстѣ съ зайцемъ опять въ поле. Въ полѣ опять поймалъ ихъ другой мужикъ и загналъ въ свой хлѣвъ. Здѣсь они продѣлали тоже, что и у перваго мужика, но, убѣжавъ и отсюда также благополучно, они уже больше никому не попадались.

Уканская волость.

5. Лиса лѣкарка.

Одинъ вотякъ посѣялъ на подволокѣ своей избы рѣпу и когда рѣпа созрѣла, мужикъ послалъ туда жену собрать ее, но жена отказалась, говоря, что она не можетъ подняться на подволоку [1]). Мужику одному тоже не хотѣлось лѣзть; онъ и говоритъ бабѣ: «ну, садись въ мѣшокъ! я тебя подниму на подволоку»! Баба залѣзла въ мѣшокъ, а мужикъ схватилъ мѣшокъ зубами и сталъ подниматься съ нимъ по веревкѣ. Но во время подъема баба вдругъ довольно громко сдѣлала невѣжливость *(сурттыз)*, вслѣдствіе чего мужикъ разсмѣялся и выпустилъ мѣшокъ изъ зубовъ, такъ что баба упала на землю и переломила себѣ спину. Мужику стало жаль бабы и онъ побѣжалъ искать для ней знахаря, который съумѣлъ бы ее вылѣчить. Попадается ему на встрѣчу волкъ.— «Куда ты идешь»? спрашиваетъ онъ вотяка.—Мужикъ отвѣчаетъ ему, что идетъ за лѣкаремъ.— «Ведь», — говоритъ волкъ, «меня; вѣдь и я умѣю лѣчить». Взялъ его мужикъ съ собой да по дорогѣ и разспрашиваетъ: а какъ ты будешь приговаривать, когда будешь лѣчить? Волкъ ему и завылъ: «ау-у-у-у»... Нѣтъ,

---

[1]) На подволоку у вотяковъ можно взобраться лишь по веревкѣ, прикрѣпленной къ стропиламъ, конецъ которой опускается внизъ и по которой надо взбираться на рукахъ. Взбираются изъ сѣней не рѣдко въ окошко, прорубленное въ стѣнѣ, а иногда и прямо на потолокъ

думаетъ мужикъ, это плохой лѣкарь! Уйди. говоритъ, мнѣ тебя не надо! И опять пошелъ мужикъ за лѣкаремъ черезъ лѣсъ и видитъ онъ здѣсь медвѣдя. «Куда ты пошелъ»?—спрашиваетъ медвѣдь мужика.—Да вотъ бѣгу за лѣкаремъ для своей бабы, говоритъ мужикъ.—«А вотъ я самъ лѣкарь и есть», замѣчаетъ медвѣдь.—Какіе же ты наговоры знаешь? спрашиваетъ его мужикъ.—«Нямъ-нямъ-нямъ»... произноситъ медвѣдь.—Ну, пѣтъ! говоритъ мужикъ, и ты не умѣешь наговаривать и идетъ за лѣкаремъ дальше. Выбѣгаетъ мужику на встрѣчу лиса.—«Куда ты идешь»?—Мужикъ отвѣчаетъ: лѣкаря моей бабѣ нужно!—«Хорошо»,—говоритъ лисица, «что ты на меня попалъ! Айда, пойдемъ! я вѣдь самый знающій лѣкарь и есть»!—«Какъ же ты лѣчишь»?—спросилъ мужикъ, скажи мнѣ сначала! Лисица и начинаетъ причитать: «чили-ули бабушки, чили-ули бабушки»...—Пойдемъ! говоритъ мужикъ. Вижу я, что ты дѣйствительно умѣешь лѣчить и вылѣчишь мою бабу»... Придя въ домъ къ вотяку, лиса распорядилась, чтобы мужикъ истопилъ баню и снесъ бы туда свою бабу, «а я-де тамъ ее помою и попенчу надъ нею». Когда мужикъ все это исполнилъ, лиса пошла въ баню и говоритъ мужику: «а ты, пока—что, накрой столъ скатертью и поставь на него побольше горшокъ масла». Заперлась лисица въ банѣ съ бабой да и съѣла тамъ ее всю, даже косточки обглодала начисто и сложила въ одну кучку. Потомъ она приходитъ въ избу къ мужику и говоритъ ему: «ну, теперь можешь идти въ баню! жена твоя уже выздоровѣла»! Мужикъ пошелъ въ баню, а лиса схватила скорѣе масло со стола и убѣжала въ лѣсъ.

Лудошурская волость.

6. Проказы козы.

У одного вотяка коза привыкла лѣтомъ ѣсть капусту, за которою лазила въ огородъ по крышѣ амбара. Вотякъ этотъ понималъ козій языкъ и вотъ онъ разъ подслушалъ, что его коза хвастается передъ другими козами, говоря, что она ежедневно лазитъ по крышѣ въ огородъ, а хозяинъ этого и не знаетъ. Хозяинъ, подслушавъ это, поставилъ на пути козы капканъ, въ который коза и попалась. Не будучи въ состояніи выбиться изъ него, она начала горько плакать и каяться, говоря, что лучше бы ей и не ходить никогда въ огородъ и такъ много коза пла-

кала и слезы ее такъ быстро застывали, что наплакала она кусокъ слезъ величиною съ кулакъ. Тогда хозяинъ выпустилъ ее.

Гынская волость.

7. Звѣри—любители пѣнія и выгодная мѣна.

Одна баба поѣхала разъ въ гости и на дорогѣ съ нею сдѣлалось неожиданное несчастье: среди лѣсу сломалась дуга. И стало бабѣ ѣхать невозможно. А баба-то больно хорошо умѣла плакать съ причетомъ. Увидѣла баба, что пришла ей бѣда, и заплакала; и стала она причитать, а эту ея пѣсню услышалъ заяцъ. Прибѣжалъ онъ къ ней и спрашиваетъ: «о чемъ ты такъ горько плачешь»?—Да вотъ у меня сломалась дуга, говоритъ баба.—«Погоди! я тебѣ принесу новую дугу», сказалъ заяцъ и побѣжалъ въ лѣсъ, а оттуда и приноситъ маленькую вѣточку, согнутую дугой.—Баба и говоритъ зайцу: это никуда негодится! и начинаетъ плакать и пѣть жалче прежняго. Услышалъ бабу, волкъ и тоже пожалѣлъ ее. Выходитъ онъ дорогу.—«О чемъ, баба, плачешь»? Дугу-де сломала.—«А вотъ я тебѣ дугу принесу». Онъ приноситъ бабѣ палку, маленько согнутую и говоритъ: «вотъ тебѣ дуга»! А баба говоритъ ему: да вѣдь эта дуга никуда негодится! и еще жалобнѣе прежняго заплакала баба, и еще лучше прежняго стала причитать. Услышалъ бабьи причитанья медвѣдь. «Что ты, баба, плачешь»?—А вотъ дугу сломала!—«Погоди»! говоритъ медвѣдь, «я тебѣ сей часъ сдѣлаю дугу»! Пошелъ и черезъ нѣсколько времени принесъ цѣлый большой березовый сукъ съ вѣтками.—И это мнѣ не годится! сказала баба; идти мнѣ знать самой поискать!—Но топора у бабы не было и сколько она ни искала, она не могла найти ни одного подходящаго деревца, а потому вернулась ни съ чѣмъ обратно. Приходитъ, а отъ лошади остались одинъ лишь косточки—медвѣдь съ волкомъ успѣли уже всю лошадь съѣсть. Поплакала, поплакала баба, да не оставаться же ночевать въ лѣсу! Бросила она здѣсь сани; взяла только себѣ мѣшочекъ съ ѣдою, да пару новыхъ лаптей и пошла по дорогѣ до первой деревни. Пришла она въ деревню и просится ночевать. Ее пустили спать въ избу, а она и спрашиваетъ: а куда бы мнѣ эти новыя лапотки спрятать на ночь? Хозяева ей говорятъ: сунь-де ихъ въ чуланъ, гдѣ куры живутъ! На другой день утромъ стала баба собираться въ дорогу, а лаптей то и нѣтъ.—Ну, говоритъ баба хозяевамъ, ваши куры, знать, съѣли мои лапти! Давайте мнѣ

за ихъ курицу! Хозяева, не желая ее обидѣть, дали ей курицу, и она пошла дальше. На слѣдующую ночь, остановившись почевать въ другой деревнѣ, она опять спросила: куда бы ей пустить на ночь курочку. Хозяева говорятъ: куръ у насъ пѣтъ, а есть гуси; пусти курицу къ гусямъ! Она пустила, а на утро курица пропала, и она вмѣсто курицы взяла съ хозяевъ гуся. На слѣдующую ночь на ночлегѣ она съ позволенія хозяевъ посадила гуся въ свиной хлѣвъ, а утромъ вмѣсто пропавшаго гуся взяла свинью. На четвертую ночь, она пустила свинью на дворъ къ овцамъ и утромъ взяла себѣ овцу, которую на пятую ночь смѣнила уже на корову, а на шестую вмѣсто пропавшей коровы получила лошадь. Когда ей дали лошадь, баба выпросила себѣ дугу, сѣла на лошадь верхомъ и поѣхала въ тотъ лѣсъ, гдѣ бросила свои сани, расчитывая, какъ весело она теперь проведетъ время въ гостяхъ. Но пріѣхавъ на мѣсто, уже не нашла и слѣда отъ своихъ саней и рада была, что вернулась домой съ одною лошадью.

Лудошурская волость.

8. Тоже (варіантъ).

Одинъ вотякъ поѣхалъ собирать милостыню и, ѣдучи по дорогѣ, запѣлъ пѣсню. Эту мужикову пѣсню услышалъ заяцъ. Понравилась зайцу мужикова пѣсня. Прибѣжалъ онъ къ мужику, вскочилъ въ сани и началъ мужику вторить. Послѣ того они встрѣтили волка, который поступилъ такимъ же образомъ. Наконецъ, когда они проѣхали дальше, имъ встрѣтился медвѣдь, которому также пришлась по душѣ мужикова пѣсня, почему и онъ залѣзъ въ сани и началъ тоже подпѣвать. Ѣдутъ они дальше, а ѣхать стало тяжело, и вотъ на одномъ ухабѣ отъ тяжести сломалась оглобля. Мужику не хотѣлось сначала идти самому вырубать оглоблю и послалъ онъ за нею зайца: но заяцъ, вмѣсто оглобли, принесъ только маленькій прутикъ. Тогда мужикъ послалъ волка, но волкъ притащилъ искривленную сучковатую вѣтку. Наконецъ отправилъ мужикъ за оглоблей медвѣдя: но и медвѣдь приволокъ ему только колоду. Видитъ мужикъ, что и желаютъ его спутники сдѣлать добро, да не умѣютъ, и рѣшился самъ идти за оглоблей. А пока онъ ходилъ, волкъ съ медвѣдемъ, проголодавшіеся отъ пѣнія и отъ отыскиванія оглоблей, вздумали позавтракать мужиковой лошадью, да и съѣли ее всю вмѣ-

стѣ съ сбруей. Вернулся вотякъ и заругался, но дѣлать ему было нечего. Взялъ онъ изъ саней пестерь, запасные лапти и пошелъ дальше пѣшкомъ, бросивъ сани на дорогѣ. Придя въ первую деревню уже вечеромъ, онъ попросился, Христа ради, въ одномъ изъ домовъ ночевать. Хозяинъ пустилъ его, но лапти не велѣлъ вносить въ домъ, а велѣлъ положить въ курятникѣ. На другой день, когда мужикъ проснулся и собрался было уходить, онъ не нашелъ своихъ лаптей въ курятникѣ: гдѣ, должно быть, ихъ склевали куры. Тогда хозяинъ отдалъ нищему вмѣсто лаптей одну изъ курицъ и нищій пошелъ дальше. На слѣдующую ночь, выпросившись ночевать, нищій уже самъ спросилъ у хозяина: куда ему дѣть на ночь курицу? Хозяинъ велѣлъ ему пустить курицу въ хлѣвъ къ овцамъ, а на зарѣ курица оттуда сбѣжала, такъ что, отпуская мужика, хозяинъ далъ ему вмѣсто курицы уже овечку. На третьемъ ночлегѣ нищій такимъ же образомъ вымѣнялъ овечку на корову, а на четвертомъ ночлегѣ—корову на лошадь. Тогда сѣлъ онъ на лошадь верхомъ и поѣхалъ далѣе собирать милостыню.

Люмская волость.

9. Ворчунья-баба въ берлогѣ медвѣдя.

Одинъ вотякъ, отправляясь въ лѣсъ рубить дрова, сказалъ своей женѣ, чтобы она принесла къ нему ѣды; но бабѣ не хотѣлось идти изъ дома по дурной погодѣ и она всячески старалась отговориться, наконецъ и говоритъ: «заберешься ты въ глухую чащу! мнѣ тебя тамъ и не найти; я, пожалуй, еще замерзну въ лѣсу»!—Я наберу скорлупокъ, набросанныхъ бѣлками, возразилъ ей вотякъ, и стану кидать ихъ по своимъ слѣдамъ, а ты иди по этимъ слѣдамъ и прямо придешь до меня.—Тогда бабѣ стало уже нечего говорить... Впрочемъ баба все-таки продолжала что-то ворчать про себя, а мужъ пошелъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ: набралъ подлѣ деревьевъ, гдѣ жили бѣлки, цѣлые карманы скорлупокъ и началъ понемногу разбрасывать ихъ по своимъ слѣдамъ. Когда мужикъ бралъ скорлупки, случайно невдалекѣ сидѣлъ медвѣдь, который, увидѣвъ продѣлку мужика и замѣтивъ, что мужикъ разбрасываетъ скорлупы по своимъ слѣдамъ, догадался, что вотякъ кому-нибудь показываетъ дорогу къ себѣ и переложилъ всѣ скорлупки на свои слѣды, которые вели прямо къ его берлогѣ. Когда баба наконецъ собралась идти въ лѣсъ, бра-

вясь и ворча, то медвѣдь уже успѣлъ переложить скорлупки на свои слѣды, такъ что она припила прямо къ медвѣжьей берлогѣ и провалилась туда. Медвѣдь, не давая ей опомниться, сейчасъ же изнасиловалъ ее, впрочемъ ѣсть не сталъ, но еще кормилъ и поилъ ее, а продержавъ ее нѣсколько времени у себя, отпустилъ ее домой.

Гынинская волость.

Группа III-я.

10. Вотякъ, журавли и медвѣдь.

Одинъ вотякъ, смекнувъ, что отъ продажи гороха онъ выручитъ больше, чѣмъ отъ продажи овса, засѣялъ горохомъ самое большое свое поле. Горохъ у него выросъ высокій, чистый и очень стручковатый, да журавли повадились къ нему на поле летать и его горохъ поѣдать. Какъ бы мнѣ ихъ переловить? думаетъ вотякъ и придумалъ. Притащилъ онъ на поле большое корыто и налилъ его кумышкой. Журавли, поѣвши гороху, подходили къ корыту напиться и всѣ скоро такъ запьянѣли, что уже не могли улетѣть. Тогда мужикъ легко перевязалъ всѣхъ ихъ за ноги веревкой, и опять началъ думать: что ему съ тѣми журавлями дѣлать? Если убить ихъ, то немного выручишь; пускай лучше, думаетъ онъ, они меня снесутъ въ другія земли, чтобы я могъ кое-что посмотрѣть. Онъ взялъ и подвязалъ оставшійся конецъ веревки себѣ подъ мышки. Когда журавли протрезвѣли, они поднялись на воздухъ и подняли съ собою вотяка; но веревка не выдержала его тяжести, оборвалась, и мужикъ упалъ въ озеро подлѣ берега, гдѣ такъ глубоко завязъ въ тинѣ, что не могъ оттуда и вылѣзти. Вдругъ приходитъ на это мѣсто купаться медвѣдь. Вотякъ сейчасъ же смекнулъ, что ему дѣлать, сѣлъ поглубже въ воду и безъ шуму ждалъ, пока медвѣдь подплыветъ къ нему поближе, а когда тотъ подплылъ, онъ схватилъ его сзади за ногу и закричалъ. Медвѣдь отъ испугу рванулся къ берегу и вытащилъ вотяка изъ тины, а когда вотякъ отпустилъ его, убѣжалъ въ лѣсъ. Не зная какъ пройти къ дому и проголодавшись, вотякъ полѣзъ на дерево, на которомъ замѣтилъ пчелиный улей, и подумая про себя: „я и меду поѣмъ, и дорогу высмотрю“, но влѣзши на дерево, онъ вдругъ провалился въ дупло такъ глубоко, что не могъ оттуда и вылѣзть самъ. Тутъ онъ поѣлъ меду и думаетъ: какъ быть дальше? Случилось, что ночью

тотъ же медвѣдь пришелъ къ этому дереву поѣсть меду, влѣзъ на дерево и началъ спускаться задомъ въ дупло, а вотякъ опять схватилъ медвѣдя за ногу и опять закричалъ. Тогда медвѣдь испугался еще болѣе, чѣмъ въ озерѣ, рванулся опять впередъ и, вытащилъ за собою вотяка изъ дупла, самъ упалъ съ дерева и убился, а вотякъ разглядѣлъ съ дерева, гдѣ дорога, снялъ съ медвѣдя шкуру, и пошелъ къ себѣ домой.

Гынская волость.

11. Сѣдунъ въ дуплѣ и медвѣдь избавитель.

Въ одной деревнѣ жили-были 3 брата и младшій изъ нихъ былъ сѣдунъ. Не любили старшіе братья сѣдуна и порѣшили завести его въ лѣсъ, чтобы тамъ его звѣри съѣли. Разъ, взявъ его съ собою, пошли они въ самый большой густой лѣсъ, а когда зашли далеко, сѣли обѣдать, и послѣ обѣда, чтобы обмануть сѣдуна, говорятъ: давайте, уснемъ! А сами не спятъ, но только притворились, что спятъ. Сѣдунъ же не догадался, что его обманываютъ, и заснулъ въ самомъ дѣлѣ, а пока онъ спалъ братья его убѣжали. Проснувшись, сѣдунъ уже не могъ сыскать дорогу домой и началъ кричать братьямъ, но братьевъ уже не было, такъ что онъ долженъ былъ и ночевать на большемъ деревѣ, совсѣмъ голодный. На деревѣ онъ провалился въ дупло, въ которомъ нашелъ много меду; онъ началъ брать этотъ медъ обѣими руками и класть его себѣ въ ротъ, пока не наѣлся. Ночью пришелъ къ этому же дереву медвѣдь, чтобы также поѣсть меду, влѣзъ на дерево и началъ спускаться задомъ въ дупло. А сѣдунъ схватилъ медвѣдя за шерсть и закричалъ изо всей мочи: медвѣдь испугался и бросился вонъ изъ дупла, такъ что вытащилъ оттуда и сѣдуна, а самъ съ испугу, не зная, какъ удержаться, упалъ съ дерева и убился. Слѣдомъ за медвѣдемъ залѣзъ было на дерево волкъ; но и его сѣдунъ столкнулъ съ дерева и тотъ убился; послѣ этого приходятъ другой медвѣдь и другой волкъ, но всѣхъ ихъ сѣдунъ убилъ, столкнувъ съ дерева. Когда насталъ день, сѣдунъ разсмотрѣлъ съ дерева, въ какой сторонѣ дорога, слѣзъ съ елки, содралъ со звѣрей кожи, навалилъ ихъ на себя и принесъ домой, гдѣ и продалъ ихъ очень выгодно купцу, а деньги взялъ себѣ и сталъ жить богаче своихъ братьевъ.

Кестымская волость.

12. Вотякъ въ дуплѣ и медвѣдь.

Одинъ вотякъ пошелъ лѣсовать и однажды зашелъ переночевать на мельницу, гдѣ залегъ въ ларь съ мукою и заснулъ. Ночью приходитъ на мельницу мельникъ и, начавъ что-то удѣлывать, застучалъ и разбудилъ спящаго вотяка, а послѣдній, проснувшись, началъ ворочаться въ ларѣ и этимъ шумомъ такъ напугалъ мельника, что тотъ со страху удралъ безъ оглядки въ деревню, оставивъ на мельницѣ свою лошадь и сани. Вотякъ по утру вышелъ изъ ларя, сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Ѣдетъ, ѣдетъ онъ и видитъ: на дорогѣ стоитъ высокій-превысокій пень. Дай, думаетъ онъ, я влѣзу на него, посмотрю, что это за пень такой. Не долго думая, набралъ онъ лыка, свилъ изъ него веревку, закинулъ эту веревку на пень и взобрался по ней на него. Когда онъ влѣзъ на пень, то увидѣлъ, что въ ниѣ дупло, въ которомъ, вѣроятно, есть и медъ, и желая достать этотъ медъ, вотякъ рѣшился спуститься по веревкѣ внутрь дупла. Но когда онъ спускался, веревка порвалась и онъ упалъ на дно дупла, откуда выкарабкаться уже не могъ. Поѣлъ вотякъ меду, сидитъ въ дуплѣ и все думаетъ: какъ бы ему выбраться оттуда? Вдругъ слышитъ онъ, что лошадь его убѣжала: кто-то подошелъ къ нию и нюхаетъ его; онъ притаилъ дыханіе и молчитъ. А это былъ медвѣдь, который также пришелъ сюда за медомъ, поэтому также влѣзъ на пень и началъ спускаться въ дупло задомъ, но лишь только онъ спустился такъ, что вотякъ могъ схватить его руками, то послѣдній крѣпко уцѣпился за шерсть медвѣдя и закричалъ. Медвѣдь испугался, полѣзъ вверхъ и такимъ образомъ вытащилъ за собою изъ дупла вотяка, а самъ упалъ сверху и разбился. Вотякъ же спустился на землю и пошелъ по слѣдамъ медвѣдя, котораго нашелъ уже издохшимъ. Онъ снялъ съ медвѣдя шкуру и пошелъ обратно изъ лѣсу. Но пока онъ ѣздилъ, да ходилъ по слѣдамъ медвѣдя, онъ потерялъ дорогу и заблудился. Ходилъ онъ, ходилъ и, не находя дороги изъ лѣсу, полѣзъ на высокое дерево и, посмотрѣвъ оттуда кругомъ, въ одной сторонѣ увидѣлъ дымъ. Тогда онъ слѣзъ съ дерева и пошелъ на дымъ. Приходитъ онъ къ огню и видитъ: сидятъ его сосѣди; онъ пообогрѣлся около нихъ и сталъ спрашивать: «гдѣ его деревня»? Оказывается, что вотякъ такъ перепугался въ дуплѣ, что даже забылъ, гдѣ помѣщается его де-

ревня. Сидѣвшіе у огня должны были сами вывести его на опушку лѣса и указать ему путь.

Лудошурская волость.

13. Два медвѣдя—начало вотякова богатства.

Посѣялъ вотякъ пшеницу и послалъ караулить ее своего сына. Вотъ спдитъ парень и видитъ: приходятъ 2 медвѣдя и идутъ прямо къ нему. Онъ испугался и влѣзъ на одну изъ сосѣднихъ елокъ, а медвѣди погнались за нимъ, но не видѣвъ, на которую именно елку онъ влѣзъ, сразу не нашли его, и начали выворачивать елки съ корнемъ. Когда медвѣди подошли поближе, молодой вотякъ прицѣлился и выстрѣлилъ и, убивъ обоихъ медвѣдей разомъ, слѣзъ съ дерева и бросился опрометью бѣжать къ отцу, которому и разсказалъ, какъ было дѣло. Отецъ сначала не повѣрилъ сыну, однако потомъ пошелъ на мѣсто происшествія и, дѣйствительно, увидалъ елки вывороченными, а медвѣдей убитыми. Не долго думая, онъ снялъ шкуры съ медвѣдей и продалъ ихъ и съ этого случая началъ богатѣть.

Лудошурская волость.

14. Мужикъ въ дуплѣ и медвѣдь.

Одинъ вотякъ, заблудившись въ лѣсу, на ночь влѣзъ на дерево, но провалился въ дупло, въ которомъ былъ улей, и завязъ въ меду такъ сильно, что вылѣзти своими усиліями уже никакъ не могъ. Такъ бы ему тутъ и пришлось умирать съ голода, да, по счастью, на другой же день утромъ, въ это же самое дупло сталъ опускаться медвѣдь, вѣроятно, пожелавшій полакомиться медомъ, о которомъ онъ зналъ раньше. Медвѣдь спускался въ дупло задомъ и безъ всякой осторожности, почему мужику легко было схватить его за заднюю ногу и закричать во все горло. Испуганный мишка вытащилъ мужика изъ дупла и убѣжалъ, а мужикъ потихоньку слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.

Люмская волость.

15. Два брата, медвѣдь и лиса.

У одного вотяка было два сына и послалъ ихъ обоихъ отецъ въ лѣсъ. Старшій братъ, знавшій всѣ входы и выходы, водилъ за собою младшаго, но у послѣдняго закружилась голова.

онъ упалъ и отсталъ отъ старшаго. Когда меньшой братъ очнулся, старшаго брата уже не оказалось, а выйти изъ лѣсу самъ онъ не умѣлъ, почему и залѣзъ въ дупло переночевать. Ночью приходитъ къ дуплу медвѣдь и начинаетъ въ него спускаться, но мальчишка, испугавшись, закричалъ благимъ матомъ. Медвѣдь, не ожидавшій встрѣчи, испугался въ свою очередь, упалъ съ дерева и убился до смерти. На утро мальчикъ проснулся, но слѣзти съ дерева побоялся, думая, что его стережетъ медвѣдь. Онъ бросилъ въ медвѣдя ножемъ, медвѣдь не пошевелился, послѣ чего мальчикъ догадался, что медвѣдь умеръ, слѣзъ съ дерева, снялъ шкуру съ медвѣдя и пошелъ домой. Когда онъ уже отошелъ на нѣкоторое пространство, онъ хватился ножа, но его не оказалось, и онъ возвратился обратно къ дереву. Между тѣмъ его окровавленный ножъ вздумала проглотить жадная лиса, но подавилась имъ и издохла тутъ же на мѣстѣ. Мальчикъ вытащилъ изо рта у лисы ножъ, содралъ и съ нея шкуру и пошелъ домой. Проплутавъ нѣсколько по лѣсу, онъ наконецъ вышелъ на опушку и увидѣлъ деревню, хотя и не свою. Разспросивъ у крестьянъ дорогу, онъ отправился по прямой дорогѣ домой и тамъ съ выгодой продалъ шкуры, а старшій братъ чуть не померъ отъ зависти!

Уканская волость.

16. Охотникъ въ бочкѣ и волкъ избавитель.

Одинъ охотникъ осенью заблудился въ лѣсу и, проплутавъ долгое время, наконецъ вышелъ на какую-то мельницу, въ совсѣмъ незнакомомъ для него мѣстѣ. Зашелъ онъ къ мельнику въ избу, но никого здѣсь не нашелъ, а такъ какъ дѣло было къ вечеру, то онъ и рѣшился все-таки здѣсь переночевать, для чего и залѣзъ на полати. Вдругъ ночью приходятъ въ избу два разбойника и начинаютъ считать награбленныя ими деньги. Охотникъ проснулся на ихъ разговоръ и у него явился сильный позывъ кашлянуть. Долго онъ сдерживался, но наконецъ не могъ сдержаться и кашлянулъ. Разбойники, услышавъ кашель, кинулись на полати, схватили охотника и порѣшили его убить. Сначала хотѣли они бросить его въ прудъ, но, увидѣвъ передъ мельницею прочную сорокаведерную пустую бочку, они рѣшили посадить его въ бочку, чтобы утромъ вывести куда-либо подальше и тамъ уже его убить. Схватили разбойники охот-

ника, затолкали въ бочку и днище забили крѣпко-на-крѣпко, оставивши не закрытымъ только втулокъ. Вдругъ, ночью прибѣжалъ къ бочкѣ большой волкъ и началъ обнюхивать бочку и тереться около нея со всѣхъ сторонъ, потому что слышалъ въ ней человѣческое мясо. Обнюхивая, волкъ случайно просунулъ во втулку бочки свой хвостъ, а охотникъ ухватился за него обѣими своими руками. Отъ боли и испугу волкъ кинулся бѣжать изо всей мочи и потащилъ бочку за собой. Далеко-далеко утащилъ волкъ ее отъ мельницы, пока бочка не разбилась о пни и деревья, и охотникъ тогда вышелъ изъ бочки, избавившись такимъ образомъ отъ разбойниковъ.

Лудошурская волость.

17. Вотякъ въ липѣ и волкъ избавитель.

Одинъ вотякъ ходилъ въ лѣсъ рубить дрова, но зашелъ такъ далеко, что заблудился, и, не умѣя отыскать дороги, залѣзъ на самое высокое дерево, чтобы посмотрѣть, не увидитъ ли онъ тамъ какой-либо примѣты, по которой онъ могъ бы съискать дорогу. Случайно это дерево была липа, имѣвшая дупло съ верху до самаго низу. Мужикъ нечаянно провалился въ самый низъ дупла, откуда уже и не могъ вылѣзти. Вскорѣ къ этой самой липѣ пришли разбойники и порѣшили сдѣлать изъ этой липы большую бочку, сложить въ нее награбленныя богатства и закопать ихъ здѣсь же въ землѣ. Срубивъ липу, разбойники нечаянно нашли въ ней мужика и, не желая, чтобы кто-нибудь зналъ, гдѣ хранятся ихъ сокровища, они рѣшились убить этого мужика, почему и сдѣлали изъ липы не одну бочку, а двѣ большихъ двудонныхъ бочки, и, оставивъ одну для своихъ сокровищъ, въ другую засунули мужика, оставивъ съ боку не очень большое отверстіе, забили на-крѣпко дно и скатили бочку съ мужикомъ въ рѣку. Долго ли, коротко ли плыла бочка по рѣкѣ, но наконецъ въ одномъ мѣстѣ ее выкинуло на берегъ. Случайно на этотъ же берегъ выбѣжалъ волкъ и подойдя къ бочкѣ началъ ее обнюхивать, причемъ нечаянно засунулъ хвостъ черезъ боковое отверстіе внутрь бочки. Мужикъ, увидя этотъ хвостъ, схватился за него обѣими руками и громко закричалъ. Тогда волкъ пустился бѣжать по берегу и приволокъ мужика почти къ самой его деревнѣ, гдѣ мужикъ, пробивъ дно у бочки, вышелъ изъ нея цѣлъ и невредимъ.

Люмская волость.

18. Вотякъ въ медвѣжьей спячкѣ.

Одинъ вотякъ, охотясь въ лѣсу, заблудился и на ночь влѣзъ на дерево, чтобы тамъ уснуть въ безопасности отъ звѣрей. Вдругъ ночью онъ видитъ, что къ дереву подходитъ маленькаго роста человѣчекъ, одѣтый въ бѣлое, не успѣлъ этотъ человѣчекъ расположиться подъ деревомъ, чтобы нѣсколько отдохнуть, какъ изъ лѣса выбѣжали нѣсколько медвѣдей, которые кинулись на маленькаго человѣчка, растерзали его на части и, раздирая его на куски, съѣли каждый по одному кусочку и потомъ убѣжали обратно въ лѣсъ. Когда наступило утро, сидѣвшій на деревѣ вотякъ слѣзъ оттуда, а такъ какъ онъ былъ голоденъ, то и рѣшился, по примѣру медвѣдей, съѣсть кусочекъ человѣчьяго мяса и пошелъ домой. Но едва только дошелъ до дому, какъ легъ на лавку и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Домашніе думали уже, что онъ умеръ и пригласили попа, чтобы хоронить его, но попъ объяснилъ имъ, что мужикъ не умеръ, а только крѣпко спитъ. И проспалъ этотъ мужикъ до тѣхъ поръ, пока спали медвѣди, а когда проснулся отъ своего долгаго сна, вздохнулъ и воскликнулъ: «ну, долго же я проспалъ»!

Люмская волость.

Группа IV-я.

19. Смерть медвѣдя отъ дѣвкина шорт-дэрэма.

Одна дѣвка ходила искать корову и, случайно набредя въ лѣсу на медвѣжью свадьбу, со страху залѣзла на ель. Одинъ пестрый медвѣдь, замѣтивъ ее, полѣзъ на елку за нею, а дѣвка отъ испугу, не сознавая, что дѣлаетъ, бросила съ себя на медвѣдя *шорт-дэрэмъ* [1]). Медвѣдь, окутанный имъ, такъ испугался, что упалъ и убился до смерти Однако и послѣ этого дѣвка побоялась идти домой и просидѣла на елкѣ до того времени, пока не подошла близко ея мать, которая отправилась отыскивать свою дочку. Эту дочку нашла мать здоровой и повела домой, а медвѣдя сосѣди притащили въ деревню, шкуру продали, и стала мать съ дочкой жить да поживать.

Укапская волость.

---

[1]) *Шорт-дэрэмъ*—верхняя одежда вотячекъ въ родѣ халата.

20. Ловля медвѣдя на кумышку.

Одинъ вотякъ посѣялъ рожь и повадился на эту рожь ходить медвѣдь. Мужикъ сначала не догадывался, кто травитъ его поле, и началъ караулить, но, покаравливъ нѣсколько ночей, онъ увидѣлъ медвѣдя и задумалъ напоить его виномъ, чтобы въ пьяномъ видѣ захватить его. Задумано-сдѣлано; взялъ онъ съ собою боченокъ кумышки и нѣсколько человѣкъ на подмогу, поставилъ боченокъ въ поле, а самъ съ товарищами спрятался въ лѣсокъ. Медвѣдь, дѣйствительно, скоро напился пьянымъ настолько, что повалился на землю; тогда мужики свалили его на телѣгу и повезли въ деревню, но по дорогѣ медвѣдя протрясло, онъ отрезвился и заревѣлъ. Лошади испугались и понесли, выкинули людей и медвѣдя, разбили телѣгу и переломали себѣ ноги. Такъ медвѣдь остался на свободѣ, а мужикъ потерялъ и лошадей съ телѣгою.

Уканская волость.

21. Два мальчика на охотѣ за медвѣдемъ.

Одинъ 12-ти лѣтній мальчикъ уговорилъ другаго 5-ти лѣтняго идти на охоту за зайцами, но на самомъ дѣлѣ повелъ его къ берлогѣ медвѣдя. Когда они подошли къ берлогѣ, старшій и говоритъ младшему: «лай ты по собачьи, зайцы то и выскочатъ»! Младшій началъ лаять, но медвѣдь не выходилъ. Тогда старшій срубилъ шестикъ и далъ младшему, чтобы тотъ выгналъ зайцевъ изъ норы, т. е. тревожилъ медвѣдя въ берлогѣ. Тогда медвѣдь разсердился, вылѣзъ изъ берлоги и заревѣлъ; старшій выстрѣлилъ въ медвѣдя и убилъ его наповалъ, но и самъ нечаянно попалъ подъ медвѣдя; младшій же, испугавшись медвѣдя, безъ оглядки убѣжалъ домой и тамъ забился съ перепугу на сѣновалъ, такъ что его едва нашли родители, которые, выманивъ его съ сѣновала пряниками, начали разспрашивать гдѣ онъ оставилъ старшаго своего товарища. Тогда мальчикъ разсказалъ, что старшій попалъ подъ медвѣдя, и мужики пошли розыскивать берлогу. Приходятъ на мѣсто, гдѣ была берлога, и видятъ: лежитъ старшій мальчуганъ подъ медвѣдемъ, а вылѣзть не можетъ. Отецъ и спрашиваетъ его: «что ты тутъ дѣлаешь»? А тотъ отвѣчаетъ: «ничего не дѣлаю, но здѣсь лежать мнѣ очень тепло». Мужики

взяли и сволокли съ мальчика медвѣдя; шкуру отецъ содралъ и продалъ и начали они съ сыномъ жить да поживать.

Уканская волость.

22. Поповъ работникъ и его жеребенокъ.

Къ одному попу нанялся вотякъ въ работники, но скоро сталъ во всемъ перечить попу, такъ что попъ разсердился на него; а такъ какъ прогнать работника онъ не могъ, то и началъ думать, какъ его удалить, и надумалъ: послать вотяка въ лѣсъ, чтобы онъ поймалъ и привелъ домой живаго медвѣдя. Работникъ отправился въ лѣсъ, поймалъ тамъ медвѣдя, привелъ домой и спрашиваетъ попа: «куда поставить мнѣ жеребенка»? А попъ, не распознавъ въ чемъ дѣло, и велѣлъ поставить его въ конюшню къ лошадямъ, гдѣ ночью медвѣдь задралъ всѣхъ лошадей, а нѣкоторыхъ и поѣлъ. На другую ночь опять работникъ спрашиваетъ: «куда поставить новаго жеребенка»? Попъ приказалъ поставить его въ хлѣвъ къ коровамъ. И, конечно, медвѣдь за ночь задралъ и коровъ, также какъ ранѣе задралъ лошадей. На третью ночь работникъ снова спрашиваетъ попа: куда поставить новаго жеребенка? Попъ приказалъ поставить его къ овцамъ. Теперь медвѣдь добрался и до овецъ, также какъ ранѣе до лошадей и коровъ. Пошелъ попъ въ четвертый день на свой скотный дворъ, а скотины у него ни одной головы не осталось. Туда,-сюда... Зоветъ онъ своего работника испрашиваетъ: куда же дѣвалась скотина? А работникъ и говоритъ, что скотину пріѣлъ медвѣдь, котораго самъ попъ велѣлъ ставить на ночь въ конюшню и въ хлѣвы. Попъ такъ осердился на работника, что немедленно прогналъ его отъ себя, а работникъ, не долго думая, осѣдлалъ медвѣдя и уѣхалъ на немъ.

Гынская волость.

23. Солдатъ и невѣдомый вотякамъ звѣрь.

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится почевать, а ему и отвѣчаютъ, что и рады бы пусть, да у нихъ много какихъ-то звѣрей, которые весь хлѣбъ и имущество поѣдаютъ. Солдатъ говоритъ, что онъ никакихъ звѣрей не боится, и снова проситъ, чтобы его куда-нибудь пустили провести ночь. Вотяки указали солдату амбаръ и когда солдатъ вошелъ туда, то увидѣлъ тамъ ужасно много крысъ и мышей, а онъ съ собою, какъ рѣдкость,

несъ кошку. Выпустивъ ее на полъ, онъ преспокойно легъ спать, а кошка скоро разогнала всѣхъ мышей и крысъ. Утромъ хозяева амбара идутъ къ солдату, думая, что и его съѣли звѣри, но къ изумленію видятъ, что солдатъ цѣлъ и невредимъ, да кромѣ того находятъ много звѣрей передушенными. Они и спрашиваютъ солдата: какъ ты всѣхъ звѣрей разогналъ?—Да, вотъ, говоритъ солдатъ: есть у меня товарищъ: это онъ всѣхъ передавилъ. А что стоитъ твой товарищъ? спрашиваютъ солдата вотяки.—500 р., отвѣчаетъ солдатъ.—Поторговались они, поторговались съ солдатомъ и наконецъ купили у него кошку за 300 руб., да еще угостили его какъ можно лучше на дорогу, а онъ, прощаясь, посовѣтовалъ имъ, чтобы они не забывали кошку и сами кормять. Но вотяки не послушались солдатскаго совѣта и не кормили кошку; отъ этого она одичала, но живя только одними мышами да крысами, скоро перевѣла ихъ всѣхъ. Вотъ какимъ путемъ кошка явилась у вотяковъ!

Балезинская волость.

Группа V-я.

14. Мясо и щи.

Одинъ деревенскій богачъ *(кузе)* нанялъ себѣ работника и и работникъ ему попался хорошій, да самъ-то богачъ былъ очень скупъ, а потому онъ никогда не давалъ своему работнику мяса, хотя и варили щи съ мясомъ каждый день; но хозяинъ сначала самъ съѣдалъ все мясо, а потомъ отдавалъ оставшіеся щи работнику и тотъ ѣлъ щи безъ мяса. Прошло нѣсколько времени и работникъ сталъ толстѣть, не смотря на то, что ему много приходилось работать, а хозяинъ на оборотъ сталъ худѣть. Наконецъ онъ рѣшился спросить работника, отчего тотъ такъ толстѣетъ и крѣпнетъ въ силахъ. Работникъ и говоритъ ему: «да это отъ щей»! Тогда хозяинъ началъ самъ съѣдать всѣ щи, а оставлять работнику лишь одно мясо и черезъ нѣсколько времени, дѣйствительно, потолстѣлъ, но работникъ его такъ похудѣлъ и настолько ослабъ силами, что уже не въ состояніи былъ работать такъ же хорошо, какъ прежде. Тогда хозяинъ убѣдился, что для него невыгодно копить деньги, не давая хорошаго корма работнику, и сталъ его кормить тѣмъ же, что и самъ ѣлъ.

Лудошурская волость.

25. Смерть старухи-мечтательницы.

Въ старые годы жилъ въ одной деревнѣ старикъ со своею старухою и были они очень стары, а дѣтей у нихъ не было ни одного. Вотъ разъ поѣли они и легли послѣ обѣда отдохнуть на полатяхъ. Старуха съ полатей и видитъ, что у окошка играютъ на улицѣ сосѣдскія дѣтки: парень и дѣвка. Она и говоритъ старику: «а что, старикъ, хорошо было бы, какъ бы и у насъ съ тобою родились дѣти? былъ бы у насъ сынъ Иванъ, да дѣвка Алена, не были бы мы старые такіе одинокіе, а ходили бы они вокругъ насъ, стали бы за насъ съ тобою работать, весною бы выѣхали бы сѣять хлѣбъ, а осенью собрали бы цѣлыя гумна. Первый бы изъ парней на деревнѣ былъ Иванъ. Самая красивая дѣвка въ деревнѣ была бы Алена. Со сватали бы мы Ивану невѣсту и пріѣхалъ бы домой съ молодой бабой. Красавецъ, ты мой Иванушко»! закричала баба, позабывъ, что у нихъ еще дѣтей нѣтъ и, представивъ, что Иванъ уже въ избу входитъ, бросилась съ полатей, упала на полъ и убилась до смерти.

Понинская волость.

26. Старикъ въ банѣ и нищій.

Одинъ нищій попросился къ старику ночевать, но старикъ не пустилъ его въ избу. Къ этому времени у старика была истоплена баня; нищій зашелъ въ баню, забрался подъ полокъ и сидитъ себѣ. Вотъ приходитъ старикъ со старухой въ баню и приноситъ съ собою вина, которое они поставили на полокъ и стали раздѣваться. Вдругъ нищій вылѣзъ изъ подъ полка. Старикъ со старухой, увидѣвъ его, такъ испугались, что убѣжали вонъ изъ бани, забывъ все, даже и водку. Нищій же преспокойно выпилъ вино и ушелъ, куда ему надо было идти.

Гынская волость.

27. Дурень—бабинъ сынъ.

У одной бабы былъ сынъ дурачекъ и нанялся онъ въ работники къ одному мужику. Разъ онъ съ хозяиномъ поѣхалъ въ городъ горохъ продавать и на проселкѣ встрѣтили они такъ много воротъ, что дурачекъ наконецъ разсердился и выругался въ слухъ, чтобъ васъ было во сто разъ больше! Хозяинъ, услышавши такое пожеланіе, схватилъ кнутъ и пребольно отстегалъ дурачка

по спинѣ. Дурачекъ заплакалъ и ушелъ къ своей матери жаловаться. Мать ему и говоритъ: а ты бы сказалъ лучше: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Дурачекъ побѣжалъ къ воротамъ въ свою деревню и видитъ: въѣзжаетъ чрезъ ворота свадьба; онъ остановился посередь дороги и какъ гаркнетъ: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Поѣзжане соскочили съ лошадей и опять отстегали дурачка кнутами. И опять пошелъ дурачекъ къ матери жаловаться, а мать ему и говоритъ: «а ты бы захватилъ съ собою скрипку, да поигралъ бы, да попѣлъ, видя такое веселье»! Дуракъ принялъ къ сердцу наставленіе своей матери и, выходя изъ дому, захватилъ съ собою скрипку. И видитъ онъ, что съ краю деревни загорѣлся овинъ. Побѣжалъ онъ къ этому овину и началъ подлѣ него играть на скрипкѣ, припѣвая и приплясывая. Тутъ его опять больно избили и пошелъ онъ снова жаловаться матери.— «А ты бы, говоритъ ему мать, лучше взялъ лопату да и покидалъ бы снѣжку въ огонь, чтобы тотъ потухъ»! Дурень въ слѣдующій разъ пошелъ по деревнѣ съ лопатой. Видя, что подлѣ одного дома, на улицѣ, свинью опаливаютъ и вспомнилъ уроки своей матери, дурачекъ началъ загребать лопатою снѣгъ и кидать на костеръ, такъ что мигомъ потушилъ его. Но выбѣжавшіе хозяева за это такъ больно его избили, что послѣ этого случая онъ безъ матери никуда уже одинъ и не ходилъ.

Лудошурская волость.

28. Тоже (варіантъ).

Въ одной семьѣ было 2 брата умныхъ, а третій дуракъ. Разъ у нихъ загорѣлся овинъ; старшіе братья побѣжали тушить, а младшій на бандуркѣ играетъ. Братья съ досады взяли да и побили младшаго. Идетъ онъ домой и плачетъ.—Спрашиваетъ его мать: что съ тобою?—Да, вотъ, говоритъ дуракъ, у насъ загорѣлся овинъ, а я на бандуркѣ игралъ; братья и прибили меня.—А ты бы взялъ лопату, да бросалъ бы въ огонь снѣгъ, говоритъ ему мать: такъ-то лучше бы было! Запомнилъ себѣ дуракъ это и пошелъ гулять. На другой день видитъ онъ: братья опаливаютъ свинью; не долго думая подошелъ онъ къ огню и началъ лопатою бросать въ огонь снѣгъ. Братья опять прибили дурака. Опять идетъ онъ къ матери и жалуется на нихъ, что они его прибили. А ты бы не бросалъ бы снѣга, а лучше сказалъ

бы: пусть будетъ жирная свинья! Зарубилъ себѣ дуракъ на носу это и отправился ходить по деревнѣ. Видитъ онъ обмываютъ мертвеца, подошелъ и говоритъ: пусть будетъ жирная свинья! Его опять прибили. Пошелъ снова дуракъ жаловаться къ матери, а та ему и говоритъ: «а ты бы лучше сказалъ: прости и благослови, тебя бы и не били»! Съ тѣхъ поръ дуракъ только и говоритъ постоянно: *прости да благослови!* и его уже теперь не бьютъ.

Лудошурская волость.

29. Поповъ работникъ—губитель скота.

Какой-то вотякъ-дурачекъ нанялся къ попу въ работники. Однажды пріѣхали къ попу гости. Попъ и говоритъ работнику: пойди-ка зарѣжь овечку! — «Которую»? спрашиваетъ работникъ. — «А ту, которая на тебя посмотритъ», говоритъ попъ. — Работникъ пошелъ въ хлѣвъ и видя, что на него смотрятъ всѣ овцы, взялъ да всѣхъ ихъ и перерѣзалъ. Въ другой разъ вотякъ перерѣзалъ по такому же поводу и всѣхъ коровъ. Тогда попъ разсердился и прогналъ его.

Уканская волость.

30. Купцовъ работникъ съ богатырскою силою.

Одному купцу захотѣлось нанять работника, какъ можно подешевле. Долго онъ подыскивалъ такого работника и наконецъ нашелъ вотяка, который согласился работать на купца все, что тотъ ему прикажетъ, даже совсѣмъ безъ денегъ, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока службы дать купцу 3 щелчка въ лобъ. Началъ задавать купецъ работнику разныя работы и на первый разъ велѣлъ ему сложить въ овинъ снопы. Работникъ взялъ и стаскалъ въ овинъ цѣлую *кладуху*, а на утро собрался молотить. Купецъ даетъ ему самый большой и крѣпкій цѣпъ, какой только былъ въ домѣ, а работникъ и говоритъ: «не годится этотъ цѣпъ мнѣ»! — Какой же тебѣ нуженъ? — «Мнѣ нуженъ, отвѣчаетъ работникъ, такой, чтобы ручка его была толщиною съ амбарное бревно, а цѣпъ—молотило—съ бревно избяное»! — Тогда купецъ далъ ему бревна и онъ самъ сдѣлалъ себѣ такой цѣпъ, какой ему былъ нуженъ, и сразу обмолотилъ весь высушенный хлѣбъ. Когда онъ кончилъ молотьбу, купецъ предложилъ ему запрячь лошадь, чтобы свезти хлѣбъ въ амбаръ; но работникъ отказался и попросилъ у

купца лишь веретья *(полог)*, чтобы забрать зерно. Онъ сложилъ въ этотъ пологъ заразъ все зерно и отнесъ его на себѣ въ амбаръ. Купецъ испугался, увидя такую силу работника и соображая, что 3 щелчками работникъ можетъ его убить и началъ задавать ему задачи потруднѣе. Въ слѣдующій разъ посылаетъ купецъ работника за дровами въ лѣсъ, гдѣ водилось много медвѣдей, надѣясь, что медвѣди тамъ его съѣдятъ. Работникъ запрягъ лошадь и ѣдетъ. Пріѣхалъ въ лѣсъ, оставилъ лошадь на полянѣ и пошелъ въ чащу рубить дрова. Нарубивъ цѣлую сажень, онъ понесъ ее къ лошади обратно, но, придя къ возу, видитъ, что лошади нѣтъ: ее уже съѣли медвѣди. Что дѣлать? Самому тащить телѣгу домой не хочется. Вдругъ за нимъ онъ увидѣлъ медвѣдя, который поѣвши не успѣлъ уйти. Работникъ изловилъ этого медвѣдя, запрегъ его въ телѣгу и поѣхалъ на немъ домой. Когда онъ туда пріѣхалъ, купецъ еще больше испугался, видя, что его не съѣли медвѣди, а работникъ еще спрашиваетъ его: куда бы, хозяинъ, поставить лошадку! Купецъ, не посмотрѣвши, какая это лошадка, велѣлъ работнику поставить ее въ конюшню къ другимъ лошадямъ. Работникъ такъ и сдѣлалъ, а ночью медвѣдь перерѣзалъ всѣхъ лошадей, разломалъ конюшню и ушелъ въ лѣсъ. Когда купецъ узналъ, на какой лошадкѣ пріѣхалъ работникъ, онъ еще сильнѣе струсилъ, тѣмъ болѣе, что уже подходилъ срокъ платежа. Чтобы какъ-нибудь избавиться отъ работника, купецъ послалъ его не задолго до срока къ *Ву-мурту*, добыть денегъ. Идетъ работникъ къ *Ву-мурту* на рѣку и подымаетъ здѣсь громкій шумъ. На этотъ шумъ выплываетъ молодой *Ву-муртъ* и спрашиваетъ работника: «что тебѣ нужно»?—Купецъ-де меня къ старику за деньгами послалъ. „Давайте мнѣ денегъ, а то я вамъ житья не дамъ»! Ву-муртъ забранился и началъ съ работникомъ бороться, желая утащить его въ воду. Но работникъ не поддался Ву-мурту и самъ такъ его смялъ, что тотъ едва живой ушелъ въ воду. Испугался тогда и старый Ву-муртъ и выслалъ къ работнику цѣлый мѣшокъ денегъ: только уйди! А работнику того и нужно было: взвалилъ онъ мѣшокъ себѣ на плечи, запѣлъ пѣсню и идетъ домой. Купецъ же, увидя изъ окошка, что работникъ опять ворочается цѣлымъ—невредимымъ, схватилъ свои пожитки и жена, сѣлъ поскорѣе на лошадь и ускакалъ изъ дому. А кухарка, видя, что купецъ такъ испугался работника, и сама испугалась и спряталась. Пришелъ работникъ въ домъ и понесъ бы-

ло куицу деньги, но обошелъ весь домъ и видитъ, что въ домѣ нѣтъ никого, а между тѣмъ онъ усталъ и ему очень хотѣлось ѣсть. «Что теперь мнѣ дѣлать? думаетъ онъ; не взять ли мнѣ свое серебро и не идти ли на чужую сторону»? Но тутъ пришла кухарка, покормила его, разсказала, что купецъ изъ своего дома убѣжалъ навсегда испугавшись щелчковъ. Съ тѣхъ поръ работникъ началъ владѣть купцовскимъ домомъ и всѣмъ купцовскимъ имуществомъ.

Лудошурская волость.

31. Вотякъ-невольный помощникъ воровъ.

Однажды какой-то вотякъ пошелъ въ лѣсъ рубить дрова и встрѣтился здѣсь съ двумя ворами, которые стали уговаривать вотяка идти съ ними воровать. Вотякъ долго отказывался, но воры сказали ему: «айда воровать! если ты не пойдешь, мы тебя убьемъ»! Вотякъ поневолѣ долженъ былъ согласиться и пошелъ съ ними воровать. Подошли они къ амбару. Воры подняли уголъ амбара и заставили вотяка черезъ этотъ уголъ залѣзть въ амбаръ и повыкидать на улицу все, что въ немъ было. Когда вотякъ туда залѣзъ и повыбросалъ оттуда коровай хлѣба и все, что онъ тамъ нашелъ,—воры отпустили уголъ амбара, оставивъ вотяка въ амбарѣ запертымъ. Утромъ пришла сюда хозяйка амбара, татарка, и на минуту остановилась на порогѣ, раздумывая, какую ей для свиніи лучше муку взять: яровую или ржаную? Въ эту самую минуту вотякъ схватилъ въ пригоршню муки и бросилъ ей въ глаза; а когда ослѣпленная и испуганная татарка съ громкимъ крикомъ убѣжала въ избу, вотякъ опрометью кинулся изъ амбара впередъ по дорогѣ и такъ долго бѣжалъ очень скоро, пока не усталъ. Въ это время замѣтилъ онъ подлѣ дороги старый липовый пень съ большимъ дуломъ внутри его, и, ожидая за собою погони,—залѣзъ спрятаться и отдохнуть въ это дупло. Дѣйствительно! татаринъ, мужъ хозяйки амбара, услышавъ отъ нея разсказъ о вотякѣ, схватилъ первую попавшуюся ему лошадь и пустился вскачь по дорогѣ въ погоню за воромъ, такъ что едва вотякъ успѣлъ спрятаться, какъ и татаринъ подъѣхалъ къ тому самому пню, куда залѣзъ вотякъ, и подумалъ про себя гдѣ теперь вотяка догонишь? лучше срублю я этотъ пень;—онъ мнѣ пригодится на улей!—И не долго думая, выхватилъ онъ изъ-за пояса топоръ и принялся рубить пень. Вотякъ, видя, что его

дѣло плохо, такъ какъ татаринъ съ одной стороны уже прорубилъ дыру на сквозь, употребилъ прежнюю хитрость: схватилъ онъ пригоршню гнили со дна дупла и, выбравъ минуту, кинулъ ее татарину въ глаза. Татаринъ испугался и кромѣ того у него стало больно ѣсть глаза, такъ что онъ кинулся изо всей мочи бѣжать, куда попало, позабывъ и про лошадь, на которой онъ пріѣхалъ, а вотякъ, вылѣзши изъ дупла, поймалъ эту лошадь и во всю прыть поскакалъ на ней дальше. Долго скакалъ онъ и къ вечеру такъ загналъ лошадь, что она больше не могла бѣжать. Потому онъ съ нея слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ и къ ночи дошелъ до деревни, гдѣ началъ проситься ночевать въ избу къ русскому новожилу. А у этого мужика была очень злая собака, которая сначала кидалась и лаяла на цѣпи, но вдругъ, сорвавшись съ цѣпи,—кинулась кусать вотяка, который началъ отъ нея обороняться палкой и убилъ ее. Русскій вышелъ и говоритъ вотяку: «какъ ты смѣлъ убивать мою собаку»?—Она меня кусала, говоритъ вотякъ.—«А за то, что ты убилъ мою собаку»,—говоритъ русскій,—«ты долженъ самъ вмѣсто нея карауллть мой дворъ»! и привязалъ вотяка на цѣпь, на которой прежде сидѣла собака. Случилось, что въ эту же ночь пришли къ русскому воры и вотякъ сталъ кричать: *амъ, амъ, хозяинъ! хламъ таскаютъ, хозяинъ!* Но хозяинъ крѣпко спалъ и не слышалъ, что кричалъ вотякъ; воры же украли, что было можно, поколотили вотяка и ушли. Утромъ выходитъ русскій на дворъ и видя, что у него украли весь хламъ,—началъ приставать къ вотяку:—«что же ты не лаялъ, когда они воровали»?—Не смотря на то, что вотякъ клялся ему, что онъ лаялъ и даже кричалъ, что хламъ таскаютъ,—русскій не повѣрилъ ему и рѣшился отвести вотяка въ волостное правленіе, чтобы тамъ его наказали. Но когда русскій разсказалъ въ правленіи, какъ вотякъ у него убилъ собаку, какъ онъ за это посадилъ вотяка на цѣпь вмѣсто собаки и какъ у него воры хламъ утащили; то въ правленіи не похвалили русскаго, говоря: «зачѣмъ ты привязывалъ вотяка на цѣпь»? и выдрали за это русскаго, а вотяка отпустили домой, куда тотъ и прибѣжалъ наконецъ съ большею радостью

Уканская волость.

32. Разбойники и бѣгство отъ нихъ дѣвушки.

Въ одной деревнѣ жила со своимъ отцомъ и матерью одна

дѣвушка. Однажды поѣхали они всѣ вмѣстѣ на базаръ на телѣгѣ и когда проѣзжали чрезъ лѣсъ,—на нихъ напали двое разбойниковъ, которые, схвативши съ собою дѣвушку, отпустили отца и мать ея ѣхать своею дорогою, а дѣвушку увели въ лѣсъ и привели въ свой шалашъ. Потомъ желая угостить дѣвушку по ея вкусу, они повели ее въ свой погребъ и стали показывать ей сложенное тамъ мясо.—А тутъ было сложено мясо человѣка да Ву-мурта, которыхъ ранѣе убили разбойники. Дѣвушка узнала, чье это мясо, и отказалась ѣсть его, когда разбойники изготовили съ человѣческимъ мясомъ пироги. Отказалась она и пить ихнее вино, потому что въ него было что то подмѣшано. А когда разбойники стали приневоливать ее выпить, она только дѣлала видъ, что пила или ѣла, а сама все выплевывала. Когда разбойники наѣлись и напились, они подумали, что напоили и дѣвушку и, ложась спать, стали принуждать ее лечь между ними двумя. Дѣвушка отбивалась отъ нихъ долго, но наконецъ они силою раздѣли ее и уложили съ собою спать. Тогда дѣвушка притворилась спящей, а какъ только пьяные разбойники дѣйствительно уснули,—она потихоньку выбѣжала изъ шалаша и спряталась въ кустахъ подлѣ рѣки. Но разбойники скоро хватились дѣвушки и стали искать ее, пробуя кусты копьями, а не найдя ея,—зажгли кусты, и, думая, что она сгоритъ въ кустахъ,—ушли досыпать въ свой шалашъ. Дѣвушка же успѣла убѣжать и, прибѣжавъ въ село, взлѣзла на колокольню и начала звонить здѣсь въ колокола. На звонъ сбѣжалось много народу и между прочими прибѣжали къ колокольнѣ отецъ и мать дѣвушки, которые, увидѣвъ свою дочь растрепанною и блѣдною, въ рубашкѣ, подумали, что видятъ покойницу, такъ какъ еще раньше были убѣждены, что разбойники ее убили. По этому они настолько испугались явленія дочери, что упали на землю и померли, а дочь, жалѣя объ нихъ, и сама тутъ же въ свою очередь упала трупомъ.

Кестымская волость.

Группа VI-я.

33. Черемисинъ и кладъ разбойниковъ.

Въ одной сторонѣ когда-то давно жили разбойники. Одинъ черемисинъ, звѣруя, зашелъ разъ въ лѣсъ, гдѣ эти разбойники жили и, замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ падаль, къ которой уже при-

ходили волки,—забрался съ ружьемъ на высокую ель, чтобы отсюда ихъ подкараулить. Вдругъ подъ утро къ этой самой ели приходятъ разбойники и приносятъ большое лукошко денегъ, а съ собою приводятъ связаннаго старика. Черемисинъ, увидѣвши много разбойниковъ, испугался, притаился на деревѣ между сучками, но все же старался выглядѣть и выслушать, что разбойники будутъ дѣлать и говорить. Разбойники выкопали у корней ели глубокую яму, поставили туда деньги и закопали ихъ, а потомъ начали между собою совѣтоваться, какой бы зарокъ положить на этотъ кладъ. Одинъ изъ нихъ и говоритъ: «давайте, положимъ зарокъ, чтобы только тотъ могъ взять этотъ кладъ, кто принесетъ сюда 100 человѣчьихъ головъ»! а черемисинъ на ели не могъ удержаться, чтобы не сказать: «будетъ и на 100 куриныхъ головъ»! Разбойники,—услышавъ эти слова съ ели,—думали, что имъ это кто-то сказалъ съ неба и сначала, испугавшись, упали на колѣни, а потомъ и говорятъ: «ну, пусть этотъ кладъ возьметъ тотъ, тотъ, кто принесетъ 100 куриныхъ головъ»! Потомъ, немного оправившись отъ испугу, они начали совѣтоваться между собою, не прибавить ли какой-либо еще зарокъ, и, найдя не подалеку рябиновое дерево, они срубили его и расколовъ одну половину бросили въ Каму, а другую положили въ лѣсу и сказали: «кто вынетъ половину этого дерева изъ Камы и соединитъ его съ другою половиною, лежащею здѣсь,—тотъ можетъ взять и наши деньги»! Потомъ еще посовѣтовались и говорятъ: «убьемъ старика и положимъ еще зарокъ»! Такъ и сдѣлали: убили старика, котораго съ собою привели, разрубили его на 4 части и закопали въ разныхъ мѣстахъ, а потомъ сказали: «кто соединитъ всѣ эти 4 части въ одно, тотъ пускай возьметъ и наши деньги». Послѣ этого утромъ разбойники ушли, а черемисинъ,—спустившись съ ели,—сейчасъ же началъ раскапывать то мѣсто, куда разбойники спрятали деньги, но ничего здѣсь не нашелъ: «деньги ему не дались». Тогда черемисинъ увидѣлъ, что ему нужно сначала выполнить зароки и пошелъ на Каму искать рябиновое дерево. На Камѣ гдѣ-то съискалъ онъ лодку, въ которую сѣлъ да и поплылъ, и плылъ цѣлыхъ 7 верстъ, пока не нашелъ на берегу брошеннаго разбойниками рябиноваго дерева, которое и привезъ обратно въ лѣсъ къ ели, сложилъ рябину, вырылъ и сложилъ вмѣстѣ изрубленнаго человѣка, потомъ принесъ и закололъ 100 курицъ и только началъ копать, какъ деньги сами вы-

шли къ нему изъ земли. Тогда черемисинъ увезъ эти деньги съ собою домой, женился, нажилъ дѣтей и теперь живетъ-себѣ богато.

Кестымская волость.

34. Прогулка души спящаго.

Давно-когда-то два вотяка отправились въ лѣсъ драть лыко. Одинъ изъ нихъ былъ табачникъ и любилъ покурить трубку, а другой былъ сонливый и любилъ поспать. Уставши драть лыко, они присѣли на траву отдохнуть. Табачникъ сейчасъ же набилъ себѣ трубку и сталъ пускать дымъ, а другой сейчасъ же заснулъ. И видитъ табачникъ, что изо рта у спящаго выпорхнула, какъ птичка,—душа, душа, производя звукъ: *шырррр*... (по-вотски: «*шыръ*» значитъ:—*скоро*) и, взлетѣвъ на сосѣднюю сосну, вошла тамъ въ дупло, побыла нѣкоторое время и вернулась назадъ.— Когда она опять вошла въ ротъ къ спящему,—тотъ проснулся и говоритъ товарищу: а какой я сейчасъ сонъ видѣлъ?!— «Какой»?— спрашиваетъ его товарищъ.— «Да видѣлъ я», говоритъ онъ,—«будто въ дуплѣ какой-то сосны въ двухъ *бурахъ* [1]) нашелъ я много денегъ». Табачникъ въ отвѣтъ на это ему ничего не сказалъ. Надрали они лыкъ и пошли обратно домой, а когда пришли въ деревню, табачникъ потихоньку опять вернулся на то мѣсто, гдѣ они драли лыко, и, заглянувъ въ дупло, куда летала душа спящаго,—дѣйствительно нашелъ тамъ деньги въ 2 мѣдныхъ трубахъ, взялъ ихъ себѣ и, вернувшись домой, началъ жить богато.

Кестымская волость.

Вотякъ-мельникъ и кладъ.

Одинъ вотякъ съ сыномъ рѣшились построить мельницу, да поскупились на матеріалъ и не сильно укрѣпили плотину. По веснѣ вода была большая и снесла мельницу, при чемъ отцу свернуло скулу, а сына унесло водою. Ухватился сынъ за бревно, влѣзъ на него и плыветъ, а ворона летитъ мимо, да и каркаетъ: «ты вотъ и муку ѣшь, а не хвою, а глупъ какъ сивый меринъ!— можно ли такъ строить мельницу»? Зарубилъ этотъ вопросъ сынъ на носу и поплылъ дальше. Подплылъ онъ къ берегу, вышелъ изъ воды и пошелъ впередъ. На дорогѣ ему встрѣтилось озеро,

[1]) «*Буры*»—мѣдныя трубы, употребляемыя вотяками при гонкѣ кумышки.

а у самаго озера пень.—Не долго думал, онъ срубилъ этотъ пень, сѣлъ на него и поплылъ черезъ озеро. Подплываетъ вотякъ къ противоположному берегу и видя, что идетъ баба съ ведрами, спрашиваетъ ее: «здравствуй, сватьюшка! не пустишь ли ты меня переночевать и обсушиться»?—Отчего же одного и не пустить,—отвѣчаетъ она.—Чай мѣста не много займешь! Да вотъ у насъ въ дому не ладно! что то млится все! Не знаешь ли ты чего-нибудь, какъ бы намъ отъ этого избавиться?—«Ладно».—говоритъ вотякъ—«я могу это сдѣлать»! Взялъ онъ воды и съ вечера покропилъ по всѣмъ угламъ, приговаривая вотскую молитву; ночью полегли спать и дѣйствительно: млиться перестало.—Но вотякъ рѣшилъ, что все-таки съ простыми руками уходить отсюда ему нечего, и надумалъ еще произнести кой-какія заклинанія, Разбудилъ онъ всѣхъ,—выслалъ изъ избы и началъ опять читать молитвы.—Вдругъ около стола кто-то началъ кричать: *«упаду! упаду»!* А вотякъ и приговариваетъ: «когда будешь падать, падай ко мнѣ въ шапку»! Послѣ этихъ словъ начали съ шумомъ сыпаться ему въ шапку серебряныя деньги и нападало туда ихъ столько, что шапка оказалась полнехонька.—На утро вотякъ отправился домой, но по дорогѣ заболѣлъ и попалъ въ больницу. Лежитъ онъ въ больницѣ, а шапки съ головы не снимаетъ. Докторъ его и спрашиваетъ: отчего ты не снимаешь шапки съ головы? сними ее! я дамъ тебѣ 100 руб.—Вотякъ снялъ шапку, показалъ ему деньги и разскаалъ, какъ онѣ ему достались. Тогда докторъ далъ вотяку за его находчивость еще 100 р., и вотякъ по выздоровленіи отправился со всѣми этими деньгами домой. Приходитъ онъ домой и говоритъ отцу: *«отецъ! давай* снова поставимъ мельницу»!—*На какія же деньги станемъ мы* ее строить»?—«А ты не безпокойся объ этомъ,— говоритъ сынъ; деньги у насъ есть;—только строить надо иначе: когда я плылъ по бревнѣ, мнѣ ворона сказала, въ чемъ мы мы съ тобою сглупили»—Сначала отецъ не повѣрилъ сыну, что у того есть деньги, но когда они уже легли спать, сынъ всталъ, высыпалъ всѣ деньги на столъ, разбудивъ отца, показалъ ему деньги. Отецъ удивился и обрадовался. Построили они снова мельницу на славу и теперь тамъ муку мелютъ.

Лудошурская волость.

36. Дочкина подруга—кладъ.

У одного вотяка была очень красивая дочка и стала эта дочка бѣгать въ скотскую избу, не сказываясь родителямъ. Но тѣ замѣтили ея бѣганье и начали ее спрашивать: зачѣмъ она туда бѣгаетъ? а дочка и отвѣчаетъ: я хожу туда играть съ подругою, у которой одна половина золотая, а другая серебряная! А подругою она называла куклу, которую она тамъ нашла. Играла однажды дѣвочка съ этою куклою, да нечаянно и уронила ее, а она, упавъ, и распалась. Пошла дѣвочка домой и со слезами говоритъ матери, что у нея пропала подруга. Отецъ и мать пошли тогда посмотрѣть: какая-такая ея подруга пропала? и увидѣли на полу лежащее золото и серебро. Все это они подобрали и стали жить да поживать.

Лудошурская волость.

37. Сирота и кладъ.

У одного стараго вотяка умерла жена, оставивъ ему двухъ сыновей и дочь. Сыновья были буяны и не любили сестры, такъ что еще при жизни старика они всячески ее обижали, а когда старикъ умеръ, они и совсѣмъ выгнали ее изъ отцова дома, сказавъ—«живи, гдѣ хочешь»! Тогда она пошла и поселилась на житье въ какой-то старенькой, покинутой избушкѣ въ лѣсу, гдѣ и стала добывать себѣ средства къ жизни работою. Однажды сидитъ она на лавкѣ и ткетъ, вдругъ слышитъ въ подпольѣ поднимается шумъ, стукъ и громъ. Она сначала сильно испугалась и думаетъ: «что мнѣ дѣлать?—куда бѣжать»? а потомъ очувствовалась и передумала: «зачѣмъ бѣжать? умирать одинъ разъ когда-нибудь придется»!—И слышитъ она изъ подполья какой-то глухой голосъ: «можно ли мнѣ выйти изъ подполья или нѣтъ»?—Она и говоритъ: «ну, иди! вѣдь мнѣ все равно когда-нибудь да умирать»! И вотъ открывается подполье, оттуда выкатывается гробъ и катится потихоньку все ближе и ближе къ дѣвушкѣ. Когда онъ подкатился уже къ самымъ ея ногамъ, она съ испугу стукнула по гробу веретеномъ и гробъ сейчасъ же разсыпался кучей серебряныхъ денегъ. Она такъ обрадовалась своему богатству, что оставила всѣ эти деньги на полу, а сама побѣжала въ деревню къ братьямъ, съ которыми сначала хотѣла подѣлиться. Но когда она пришла въ домъ отца, братья стали сурово ее

спрашивать, зачѣмъ это она опять къ нимъ пришла? а когда она сразу не сказала про свое богатство, они стали ее гнать. Тогда она рѣшилась не говорить имъ про кладъ вовсе, а пошла къ своей крестной матери, одинокой старухѣ, и разсказала послѣдней, что нашла много серебряныхъ денегъ. Старуха съ дѣвушкой пошли въ лѣсъ, подобрали въ избушкѣ съ пола деньги, положили ихъ въ мѣшокъ и, вернувшись въ деревню, стали вмѣстѣ богато жить.

Кестымская волость.

Группа VII-я.

38. Безстрашный мужикъ и одноглазый людоѣдъ.

Одинъ человѣкъ былъ до того безстрашенъ, что никого и ничего на свѣтѣ не боялся и никто не могъ его испугать. Вотъ онъ однажды и вздумалъ пройтись по свѣту и поискать случая чего-нибудь испугаться. На дорогѣ онъ встрѣтился съ однимъ мужикомъ, который давно уже ходилъ по деревнямъ, но которому также ни разу не случалось чего-либо бояться. Они поговорили другъ съ другомъ и согласились идти вмѣстѣ отыскивать случая, когда бы имъ можно было испугаться. Идутъ они по лѣсу и видятъ въ чащѣ лѣса маленькую избенку, а такъ какъ они давно шли и устали, то зашли въ эту избенку и сѣли. Вдругъ въ избушку входитъ людоѣдъ, *палэсъ-муртъ*, и говоритъ: «что васъ мало?— мнѣ васъ и на одинъ день на ѣду, пожалуй, не хватитъ»!—Сейчасъ же беретъ одноглазый втораго мужика, зарѣзываетъ и съѣдаетъ его, а потомъ загоняетъ своихъ овецъ на ночь въ ту же избушку и ложится спать. Но первый мужикъ ничего не испугался и спокойно легъ спать рядомъ съ хозяйскими овцами. На другой день раннимъ утромъ овцы стали блеять, увидѣвши чужаго, а палэсъ-муртъ, еще не выспавшійся послѣ сытнаго ужина, началъ ихъ выгонять; когда же овцы не пошли, онъ, не раскрывая отъ сна своего глаза, началъ хватать ихъ за шерсть на спинѣ или на головѣ и выбрасывать въ двери и между овцами съ просонья схватилъ за волосы и выбросилъ за двери и человѣка. Очутившись въ полѣ, человѣкъ поторопился уйти домой, а самъ про себя думаетъ: «знать нѣтъ ничего на свѣтѣ, чтобы меня могло испугать»! По выходѣ изъ лѣсу, онъ видитъ: воткнутъ въ одинъ пень топоръ съ краснымъ золотымъ топорищемъ, съ радостію подбѣгаетъ къ этому топору и схватываетъ его. Вдругъ

онъ почувствовалъ, что рука его пристала къ топорищу такъ сильно, что онъ не можетъ ее оторвать; а въ это время по лѣсу раздались шаги *палэсъ-мурта*, который вдобавокъ громко закричалъ. Тогда мужикъ, узнавъ, что идетъ палэсъ-муртъ и предполагая, что онъ идетъ его доѣсть, такъ испугался, что выхватилъ изъ-за пояса ножъ, обрѣзалъ себѣ руку и опрометью прибѣжалъ домой, говоря: «вотъ теперь я знаю, что значитъ испугаться»!

Лудошурская волость.

39. Дочь купца людоѣдка и ея караульщикъ.

Одинъ маленькій мальчикъ былъ очень бѣденъ и, чтобы добыть себѣ средства къ жизни, пошелъ въ городъ искать работы. Придя въ городъ, онъ зашелъ къ первому попавшемуся купцу и спрашиваетъ: нѣтъ ли у него работы?- Купецъ и говоритъ мальчику: «есть у меня работа, да будетъ ли она тебѣ по силамъ»?— «А можетъ я и сдѣлаю», сказалъ мальчикъ, «если скажешь какая работа». Купецъ ему и говоритъ: «надо будетъ цѣлую ночь караулить мою умершую дочь, а она людоѣдка *(адями-сiпсь)*».— Мальчикъ возражаетъ: «я бы сталъ караулить, да много ли ты дашь мнѣ денегъ»?—Купецъ отвѣчаетъ: «я тебѣ далъ бы 100 рублей»!— «Ладно», говоритъ мальчикъ, «я буду караулить; а гдѣ она теперь лежитъ»?—Купецъ говоритъ: «въ церкви».—Мальчикъ купилъ себѣ гробъ, велѣлъ его поставить рядомъ съ покойницей, а съ наступленіемъ ночи забрался въ этотъ гробъ и легъ въ немъ, притаивъ дыханіе. И видитъ онъ: людоѣдка встала изъ гроба и начала громко просить ѣсть, а на него не обратила вниманія, думая, что это такой же покойникъ, какъ и она сама. До разсвѣта она металась по церкви, а съ разсвѣтомъ опять легла въ гробъ и стала мертвой. Утромъ приходитъ купецъ и спрашиваетъ мальчика: «здѣсь ли ты, мальчикъ»?— «Здѣсь», отвѣчаетъ послѣдній.—И они пошли домой, гдѣ купецъ отдалъ мальчику 100 рублей. Мальчикъ сейчасъ же пошелъ на базаръ и, накупивъ калачей, сидитъ себѣ и ѣстъ; глядь: а купецъ опять идетъ къ нему на встрѣчу.— «Не возмешься ли ты опять покараулить ночь за 100 рублей»?—Мальчикъ говоритъ: «чтожъ? пожалуй, я буду караулить»!—Къ вечеру онъ опять пришелъ въ церковь и найдя на печкѣ котелъ, перевернулъ его и залѣзъ подъ него. Людоѣдка ночью опять встала изъ гроба и стала гром-

ко просить ѣсть; опять билась въ двери и заглядывала во всѣ уголки, но подъ котелъ не догадалась заглянуть и къ утру снова легла мертвою въ гробъ. Утромъ приходитъ купецъ, опять окликаетъ его: «здѣсь ли ты»?—Мальчикъ говоритъ: «здѣсь»!—Купецъ очень удивился, что покойница его не съѣла даже во 2-ю ночь и повелъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ опять отдалъ ему 100 р. и говоритъ: «двѣ ночи ты уже прокараулилъ; если ты съумѣешь прокараулить ее и третью ночь, такъ, чтобы она тебя не съѣла; то съ утра она уже не будетъ людоѣдкой, и тогда я ее отдамъ за тебя замужъ. А за караулъ тебѣ заплачу еще 100 руб.» — Мальчикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: «ладно! я покараулю и третью ночь»!—Пошелъ онъ на базаръ, купилъ тамъ скрипку, цѣлую кадку меду и вязку кудели, и все это положилъ возлѣ себя въ церкви, зажегъ восковую свѣчку и началъ смотрѣть на покойницу. Когда та стала только чуть-чуть еще шевелиться въ гробѣ, онъ схватилъ скорѣе скрипку и заигралъ самую веселую плясовую. Дѣвка какъ ни хотѣла ѣсть, но не могла пересилить своего желанія поплясать и начала плясать. Наконецъ у мальчика устали руки, и онъ не могъ дольше играть, а до свѣту оставалось еще нѣкоторое время. Людоѣдка пошла уже къ мальчику, чтобы его съѣсть, но мальчикъ схватилъ куделю, обмакнулъ ее всю въ медъ и кинулъ этотъ комокъ людоѣдкѣ, которая съ жадностью и стала его грызть. А пока она управлялась съ этимъ комкомъ, приблизился разсвѣтъ да и у мальчика отдохнули руки; тогда онъ снова схватилъ скрипку, заигралъ ту же самую плясовую и пошелъ вонъ изъ церкви. Дѣвка, доѣвывая послѣдніе куски комка, опять начала плясать и пошла вслѣдъ за мальчикомъ, позабывъ за пляскою время, когда ей надо ложиться въ гробъ, и мальчикъ на разсвѣтѣ привелъ ее въ домъ отца, гдѣ она перестала быть людоѣдкой и вышла потомъ за мальчика замужъ, а купецъ заплатилъ мальчику 3-ю сотенную и кромѣ того далъ большое приданое за дочерью, такъ что теперь мальчикъ съ дочерью купца живутъ хорошимъ хозяйствомъ.

Ключевская волость.

40. Солдатъ и шайтаны—людоморы въ церкви.

Въ одномъ селѣ умирали очень часто церковные сторожа, которые выбирались изъ прихожанъ этого села, вотяковъ, и умиралъ обыкновенно тотъ сторожъ, который ночевалъ въ самой

церкви, чтобы ее караулить. Одинъ разъ, поздним вечеромъ, постучался въ сторожку какой-то прохожій солдатъ и просилъ, чтобы его пустили переночевать. Сторожа сказали ему: «у насъ здѣсь очень тѣсно; а не хочешь ли ты идти ночевать въ церковь? но только», прибавили они, «тамъ очень страшно ночевать»! и разсказали, какъ тамъ умирали сторожа. Солдатъ сказалъ на это, что онъ ничего не боится, потому что у него сабля освящена. Онъ просилъ лишь у сторожей свѣчку. Ему дали свѣчку и заперли за нимъ дверь въ церковь. Солдатъ зажегъ себѣ свѣчку, устроился и легъ спать. Вдругъ въ полночь приходятъ въ церковь множество шайтановъ и бросаются на солдата, желая его удушить, но солдатъ выхватываетъ свою саблю и рубитъ ею во всѣ стороны, и котораго шайтана онъ изрубалъ, тотъ сейчасъ же превращался въ комара; такъ солдатъ рубилъ до тѣхъ поръ, пока всѣ шайтаны не превратились въ комаровъ. Тогда солдатъ сдѣлалъ отверстіе въ окнѣ и выгналъ комаровъ вонъ, а потомъ опять закрылъ окно и послѣ этого, сколько шайтаны ни старались войти назадъ въ церковь, они уже не могли этого сдѣлать. Съ тѣхъ поръ перестали умирать въ этой церкви и сторожа.

Уканская волость.

41. Попадья людоморка и ея обнаруженіе.

Въ одной деревнѣ умираю много народа отъ неизвѣстной причины; люди закручинились и приготовились всѣ умереть. Какъ разъ въ ту пору шелъ со службы домой солдатъ и попросился въ деревнѣ переночевать. Ему и говорятъ: «мы бы съ охотою тебя пустили, да берегись! у насъ помираетъ много народа: не умереть бы и тебѣ»! — «Ничего, говоритъ солдатъ, смерти я привыкъ не бояться! - Пустите меня въ какую-нибудь избу»! — Вошелъ въ одну избу солдатъ, перекрестилъ въ ней всѣ отверстія и, оставивъ открытымъ только одно окно, сѣлъ у этого окна и началъ дожидаться, что дальше будетъ. Ночью въ это самое окно вдругъ протягивается чья-то рука. Солдатъ увидѣвъ эту руку, отрубилъ ее и оставилъ въ избѣ, а владѣлецъ руки убѣжалъ. На другой день мужики стали допекиваться въ своей деревнѣ и въ окрестностяхъ, у кого ночью была отрублена рука, и оказалось, что рука была отрублена у попадьи ихняго прихода, которая и морила народъ. Тогда всѣмъ міромъ повели попадью къ

царю, пожаловались на нее и спрашивают: «что съ нею велишь сдѣлать»? Царь приказалъ натаскать соломы, посадить на нее попадью и зажечь. Такъ и сожгли эту попадью.

Балезинская волость.

42. Охотникъ у увира и воскрешеніе мертвыхъ.

Одинъ вотякъ пошелъ разъ въ лѣсъ на охоту. Долго ходилъ по лѣсу, вдругъ въ глубинѣ его встрѣтилъ маленькую избушку и захотѣлось ему посмотрѣть, нѣтъ ли кого въ этой избушкѣ. Подходитъ онъ къ ней, отворяетъ дверь и видитъ: сидитъ на шесткѣ у печи старикъ, весь сѣдой-пресѣдой, а спереди у него клыки вершковъ по 5 длиною. Охотникъ и спрашиваетъ старика: «это чья такая избушка»? — Старикъ говоритъ: это моя изба! — «А какъ тебя зовутъ»? — спрашиваетъ охотникъ. — А меня называютъ *«Увиромъ»*! говоритъ старикъ Охотникъ все продолжаетъ его разспрашивать. — «А гдѣ, говоритъ, у тебя отецъ и мать живутъ»? А знаешь, отвѣчаетъ ему старикъ, кто въ водѣ живетъ? тотъ мнѣ и родитель. И велѣлъ *Увиръ* мужику сидѣть въ избѣ, пока онъ сходитъ кое-куда по дѣлу, а время было уже за полночь. Мужикъ, увидѣвъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, очень испугался и, давъ *Увиру* время отойти, открылъ окошко и убѣжалъ изъ избы, такъ какъ дверь *Увиръ* уходя заперъ. Но отъ избушки охотникъ далеко не ушелъ, а спрятался тутъ же въ кустахъ, рѣшившись потихоньку подглядѣть, что будетъ *Увиръ* дѣлать, когда вернется домой и не найдетъ его въ избѣ. Передъ свѣтомъ *Увиръ* вернулся и долго искалъ охотника во всѣхъ закоулкахъ избы и подъ печкой, а потомъ, уставши, urinam efudit въ шайку и вылилъ цѣлыхъ 3 ведра крови, послѣ чего легъ и уснулъ. Увидѣвъ это, мужикъ тихонько вышелъ изъ кустовъ и по первой попавшейся дорожкѣ побѣжалъ, куда глаза глядятъ, пока наконецъ добѣжалъ до какой-то деревни, гдѣ и зашелъ въ первую попавшуюся избу. Здѣсь онъ засталъ много народу и всѣхъ въ большомъ горѣ: оказалось, что въ этомъ домѣ вчера играли свадьбу, а ночью внезапно померло двое изъ поѣзжанъ. Мужикъ сталъ разспрашивать хозяина: не слышалъ ли онъ, не входилъ ли кто въ избу ночью, и въ какое приблизительно время умерли поѣзжане? Хозяинъ сказалъ ему: «когда мы ложились спать была уже полночь и тогда еще оба поѣзжанина смѣялись, а вскорѣ послѣ того, дѣйствительно, кто-то отворялъ дверь, послѣ чего

поѣзжане начали громко кричать. но кричали не долго.—Пока успѣли вздуть огонь они уже оба померли»! Тогда охотникъ догадался, что это изъ нихъ *Увиръ* выпилъ кровь и придумалъ воскресить ихъ, вливъ въ нихъ обратно эту самую кровь, которую, какъ онъ видѣлъ, *Увиръ* уже вылилъ. Онъ сказалъ всѣмъ, чтобы не причитали, и, поговоривши съ хозяиномъ, рѣшился опять идти въ избушку *Увира*, взявъ съ собою по больше народу, чтобы принесть оттуда кровь. Какъ сговорились, такъ и сдѣлали! *Увиръ*, услышавъ много голосовъ, убѣжалъ изъ избушки, а люди взяли шайку съ кровью и, принеся ее въ домъ, гдѣ были покойники, начали черпать изъ шайки кровь ложками и выливать ее въ ротъ мертвецамъ. Отъ этого покойники начали мало-помалу краснѣть, потомъ стали немножко дышать, затѣмъ начали охать, наконецъ заговорили и стали совсѣмъ здоровы.

Кестымская волость.

43. Охотникъ и лихорадка.

Вотякъ охотникъ пошелъ въ лѣсъ и, проходивъ цѣлый день, захотѣлъ поѣсть и пошелъ домой. На возвратномъ пути онъ сѣлъ отдохнуть на пнѣ и вдругъ увидѣлъ трехъ дѣвокъ, говорящихъ между собою на кого и какъ напустить болѣзнь. Это были три лихорадки, которыя и не подозрѣвали, что ихъ могъ слышать кто-либо. Одна изъ дѣвокъ и говоритъ: «здѣсь ходитъ по лѣсу одинъ красивый охотникъ, которому очень хочется ѣсть». Дома для него готовятъ кашу, а когда онъ, придя домой, станетъ ѣсть ее, я упаду въ нее соромъ съ потолка и когда онъ съѣстъ этотъ соръ, заболѣетъ. Но если охотникъ догадается и, собравъ кашу въ мѣшокъ, повѣситъ ее на три года въ трубу, то онъ наоборотъ будетъ властенъ надо мною и принудитъ меня никогда уже не касаться до него. Услышавъ это, вотякъ пошелъ домой и сталъ ѣсть кашу съ величайшей осторожностью. Вдругъ, видитъ онъ, упала соринка въ кашу; не долго думая, онъ взялъ всю кашу сложилъ въ кошель, повѣсилъ въ трубу и продержалъ тамъ три года. По прошествіи трехъ лѣтъ, вотякъ вынулъ мѣшокъ, развязалъ его и изъ мѣшка вылѣзла дѣвка, вся высохшая и сказала ему: «ну, ладно! я хотѣла тебя измаять, а случилось такъ, что ты меня оставилъ едва живую! я хотѣла за тебя выйти замужъ, но ты обманулъ, а я отъ обмана все время грустила, отчего пынѣ моя охота и померла»! Сказавъ это дѣвка исчезла.

Гынская волость.

Группа VIII-я.

44. Вожо и запрятанный ребенокъ.

Одна баба на Рождествѣ вздумала вымыться сама да вымыть и своего ребенка въ банѣ. Истопила она баню и отправилась туда, а *Вожо*, приплявъ на себя видъ ея мужа, когда она вымыла ребенка, явился къ ней и говоритъ: «давай, я унесу его домой»!—Баба отвѣчаетъ: я лучше сама снесу!—А онъ споритъ: «нѣтъ! лучше я снесу»!—Баба и говоритъ: ну, на! снеси!—Мужикъ взялъ ребенка и пошелъ изъ бани, а баба потомъ, вернувшись домой, и спрашиваетъ мужа: гдѣ же ребенокъ?—давай его мнѣ!—Мужъ изумился и говоритъ: что ты?—я и въ баню не ходилъ!—Баба испугалась и не зная, что дѣлать, побѣжала опять въ баню и видитъ, что ребенокъ какъ-то засунутъ подъ банный жолобъ и плачетъ. Тутъ начала плакать и баба. Наплу потомъ и достали ребенка.

Лудошурская волость.

45. Вожо въ банѣ—благодѣтели сироты.

У нѣкоторой женщины были 2 дочери. Одну изъ нихъ она очень любила, а другую ненавидѣла. Разъ на святкахъ мать и 2 дочери парились въ банѣ и любимая дочь оставила въ банѣ крескалъ. Вернулись онѣ изъ бани уже въ сумерки, а потому дѣвушка побоялась идти сама въ баню, чтобы не попасться Вожо, но мать заставила сейчасъ же идти въ баню за крескаломъ сестры свою нелюбимую дочь. Та не посмѣла отказаться и пошла къ банѣ, но не вошла въ нее, а отодвинула окошко и въ окошко потихоньку нащупала крескалъ и также тихо потащила его, чтобы не безпокоить Вожо. Вдругъ ей на руку кто-то намоталъ цѣлую нитку золотыхъ червонцевъ и она пришла домой очень веселая и разсказала здѣсь, что съ нею случилось. Матери стало досадно, что червонцы достались не ея любимой дочери, почему она уговорила и эту дочь сходить въ баню къ Вожо. Дѣвушка съ шумомъ и бранью отправилась въ баню, но какъ только она туда взошла, Вожо схватили ее и затолкали въ самый задъ банной печи. Мать долго ждала ее и безпокоилась, а потомъ зажгла огонь и побѣжала сама въ баню, гдѣ, найдя свою дочь уже задохнувшеюся, начала сильно плакать.

Лудошурская волость.

46. Вожо въ избѣ, падчерица и мачихина любимица.

Одинъ мужикъ былъ женатъ второй разъ и отъ первой жены у него была одна дочь, а отъ второй было цѣлыхъ 3 дочери. Не взлюбила мачиха свою падчерицу, а по наговорамъ ея пересталъ любить свою старшую дочь и мужикъ. Эта нелюбовь дошла до того, что они рѣшились отъ своей дочери избавиться и на святкахъ, въ темный вечеръ, привели нелюбимую дочь въ одну покинутую старую избушку, которая была въ ихней деревнѣ, и здѣсь бросили ее въ подполицу, заперли ее въ этой подполицѣ и сами ушли вонъ, разсчитывая, что ее растерзаютъ «*Вожо*». Очутившись въ темнотѣ дѣвка стала молиться. Вдругъ она слышитъ кто-то подошелъ къ ней и суетъ ей руки «*камали*» [1]), съ нашитыми на нихъ монетами; послѣ того этотъ кто-то поднялся вверхъ и отперъ дверь въ подполицу и самую избу. Дѣвка же, хорошо выспавшись въ подпольѣ, утромъ вернулась въ домъ къ отцу-матери съ богатыми «*камалями*», унизанными крупными серебряными монетами. Всѣ изумились этому, а мачиха начала ей завидовать и, полагая, что въ этой избушкѣ водятся добрые до дѣвокъ «*Вожо*», рѣшила на слѣдующую же ночь свезти въ то же подполье самую любимую изъ своихъ дочерей. Вечеромъ мужикъ съ женою такъ и сдѣлали: свезли въ ту же покинутую избушку любимую дочь, не смотря на ея слезы, и оставили ее въ подпольѣ. Съ наступленіемъ глубокой ночи, пришелъ въ подполье «*Вожо*» и спрашиваетъ: «ты это зачѣмъ сюда пришла? вѣдь я знаю, что отецъ и мать у тебя есть, и знаю, кто они такіе! Чего же тебѣ здѣсь надо»?—Дѣвка и говоритъ: «мнѣ надо *камали*»!—А Вожо возразилъ: «а! тебѣ надо камали! я вотъ тебѣ дамъ камали»! и закричалъ своимъ товарищамъ:—«идите сюда скорѣе! давайте ее потрошить»! Набѣжало много «Вожо» и потрошили дѣвку, а потомъ поставили ее къ стѣнѣ, а на шею навѣсили цѣлую нитку еловыхъ шишекъ и смѣялись надъ ней говоря: «вотъ ты теперь съ *камалями*»! На другой день мать съ нетерпѣніемъ прождала свою дочь до самаго обѣда, а потомъ сама побѣжала посмотрѣть, что дѣлается въ избушкѣ. Вбѣжавши въ избу и взглянувъ въ подполицу, она увидѣла, что дочь ея стоитъ, а на шеѣ у нея навѣшаны шишки. Мать

[1]) *Камалями* называется родъ ленты, украшенной вышивкою по срединѣ и деньгами по одному краю, носится на груди...

закричала ей: «Олепька! что жъ ты не идешь? Гдѣ же ты»?— А ей и отвѣчаютъ: «вонъ твоя дочка стоитъ!—Она теперь и съ *камалями*, и съ *крескаломъ*» [1]). Тутъ только поняла мать, что ея любимица уже померла, и съ горькими слезами пошла домой, раскаиваясь въ своей жадности.

Кестымская волость.

47. Вожо и женидьба молодаго вотяка.

Одинъ парень ходилъ въ Рождественскіе вечера на посидѣнки и, ворочаясь позднею темною ночью домой, не разъ наталкивался на уголъ одной пустой избы, стоявшей у него на дорогѣ. Одинъ разъ онъ шелъ безъ лучинки и натолкнулся опять на тотъ же самый уголъ; тогда изъ избы выбѣжали Вожо, обступили парня и говорятъ: «ты это что же выдумалъ каждую ночь стучать въ уголъ нашей избы и безпокоить нашу дѣвку?—за это ты долженъ жениться на ней, иначе мы тебя убьемъ»! Парень, испугавшись, согласился жениться на дѣвкѣ Вожо и въ назначенный для свадьбы день пошелъ въ пустую избу, захвативъ съ собою хлѣба, кумышки и икону. Вечеромъ Вожо толпою вышли изъ подполья, вывели съ собою дѣвку и посадили ее съ парнемъ за столъ; послѣ чего принесли хлѣба и разныхъ кушаньевъ и прокутили всю ночь, а передъ утромъ вытащили въ избу изъ подполья и приданое дѣвки: большой сундукъ съ деньгами. На слѣдующее утро парень поѣхалъ съ дѣвкою къ попу вѣнчаться и откровенно разсказалъ попу, какъ онъ сосватался. Попъ и говоритъ ему: «это они тебѣ глаза отвели! Та, на комъ ты хочешь вѣнчаться, вовсе и не дѣвка, а просто—деревянный чурбанъ. Какъ же ты на ней будешь жениться?—Между тѣмъ у тебя денегъ, какъ я вижу, много»! Парень послушался попа, схватилъ дѣвку Вожо и сбросилъ ее съ моста въ рѣку, гдѣ она, дѣйствительно, сейчасъ же стала чурбаномъ, а самъ женился на поповской дочери.

Гынская волость.

48. Вожо—молотильщики.

Одинъ парень пошелъ разъ на посидѣнки къ дѣвушкамъ и, поздней ночью ворочаясь домой, услышалъ, что на ихъ гум-

[1]) *Крескалъ* называется ожерелье изъ серебряныхъ денегъ разной величины, на срединѣ котораго носится обыкновенный крестъ.

нѣ молотятъ. Предполагая, что это уже молотятъ его домашніе, онъ взялъ цѣпъ и пошелъ на гумно [1]); но когда уже всталъ въ ряды молотящихъ, то увидѣлъ, что на гумнѣ молотятъ *Вожо*, и, испугавшись, бросилъ цѣпь и побѣжалъ безъ оглядки домой. Добѣжавши до воротъ, онъ успѣлъ ихъ захлопнуть и сказать: «Остэ, Инмарэ»! почему Вожо и не посмѣли его тронуть, лишь погрозились говоря: «ну, ладно! сегодня твой праздникъ; будетъ и нашъ»! Парень, придя домой, засталъ всѣхъ своихъ семейныхъ спящими.

Поломская волость.

49. Солдатъ и маленькіе вожо.

Въ одной деревнѣ построили себѣ вотяки новую избу, но когда ее выстроили, оказалось, что на житье въ нее переходить нельзя, потому что тамъ жилъ кто-то изъ шайтановъ, а кто именно—не знали. Проходитъ разъ мимо этой деревни солдатъ и началъ проситься ночевать къ хозяевамъ этой избы. Тѣ ему и говорятъ: не пустимъ мы тебя къ себѣ, потому что у насъ очень тѣсно! вотъ мы себѣ еще избу выстроили, да не можемъ туда перейти: тамъ кто-то живетъ. Если ты хочешь, ступай туда! тамъ и ночуй! Солдатъ говоритъ: «ладно»! пошелъ въ другую избу, забрался на печь и легъ спать. Ночью онъ проснулся и видитъ полна комната маленькихъ чертей и вздумалъ солдатъ прогнать чертей изъ этой избы: пробилъ онъ въ стѣнѣ на печкѣ углубленіе, перекрестилъ его и началъ хватать чертенятъ и сажать ихъ въ это углубленіе. Насажалъ ихъ очень много, потомъ опять перекрестилъ и легъ спать до утра. Утромъ же, когда онъ собрался идти домой, взялъ изъ углубленія чертенятъ, и пошелъ къ водѣ ихъ топить и, опустивъ ихъ въ воду, снялъ съ себя крестъ и погрузилъ его тоже въ воду, чтобы эти чертенятки не могли изъ воды выскочить. Послѣ этого солдатъ пошелъ домой и на дорогѣ къ нему подходитъ старшій чертъ и начинаетъ просить: «отпусти нашихъ! отпусти! пожалуйста, отпусти»! Если ты позволишь имъ выйти, мы тебѣ дадимъ много денегъ»!—Солдатъ долго не соглашался, а потомъ думаетъ: «въ деревнѣ живутъ не мои родные, а деньгами я и своимъ роднымъ помогу»!

---

[1]) *Примѣчаніе.* Вотяки начинаютъ молотить съ 11 часовъ ночи и обыкновенно на Рождествѣ, въ „*Вожо дырэ*“, не работаютъ и не молотятъ.

И согласился онъ отпустить ихъ, а тѣ опять ушли жить въ ту же самую избу.

Уканская волость.

50. Солдатъ—оборотень въ вожо.

Двое однодеревенцевъ, выслуживъ свой срокъ въ солдатахъ, по жеребью возвращались домой. Одинъ изъ нихъ въ дорогѣ почему-то отсталъ отъ товарища, а другой, опоздавшись на дорогѣ, не дошелъ до деревни и рѣшился ночевать во встрѣченной имъ мельничной избѣ (*«дербени»*) и залѣзъ въ печь спать. Съ наступленіемъ ночи явилось въ избѣ множество Вожо, которые начали скакать, прыгать, толкаться по всѣмъ угламъ, лазить по лавкамъ и полатямъ, и пѣть разными голосами. Солдатъ, заинтересовавшись ихъ продѣлками, вылѣзъ изъ печи и сѣлъ на шесткѣ, но и тутъ Вожо не увидѣли его, а потому и не тронули, такъ что солдатъ спокойно проспалъ до утреннихъ пѣтуховъ. Когда же пропѣли первые пѣтухи, Вожо всѣ исчезли. По утру солдатъ дошелъ до своей деревни, гдѣ его встрѣтили не только его родственники, но и родственники его товарища. Послѣдніе стали разспрашивать солдата, скоро ли придетъ ихъ родственникъ. Пришедшій и говоритъ: «онъ-де отъ меня долженъ былъ отстать, а потому замедлилъ немного, но, самое большее, онъ пробудетъ еще въ дорогѣ дней 5—6». Между тѣмъ прошла недѣля, а второй солдатъ все еще не приходилъ. Первый солдатъ и говоритъ: «когда я сюда шелъ, на одной мельницѣ по дорогѣ я навидался ужасовъ! быть можетъ и онъ попалъ на ту же мельницу и съ нимъ что-нибудь случилось?»—И разсказалъ, что онъ видѣлъ на мельницѣ. Тогда отецъ и мать втораго солдата пошли его отыскивать. Между тѣмъ, дѣйствительно, и второй солдатъ подобно первому, къ ночи не добравшись до деревни, остановился ночевать въ той же мельничной избѣ, но онъ не былъ такъ предусмотрителенъ, какъ первый солдатъ, и, не подумавши о Вожо, легъ не въ печкѣ, а на полатяхъ. Когда настала ночь, въ избу опять набрались Вожо и стали пѣть, плясать и прыгать. Одинъ маленькій Вожо вскочилъ на полати и, замѣтивъ тамъ спящаго солдата, сейчасъ же пошелъ и сказалъ объ этомъ старшему Вожо. Старшій Вожо, запретивъ на время всѣмъ шумѣть и кричать, велѣлъ своровать у солдата натѣльный крестъ. Вожо очень искусно сняли съ солдата гайтанъ съ крестомъ и надѣли

вмѣсто него петлю изъ поясного ремня. Послѣ этого разбудили солдата и утащили его за собою сначала плясать въ избу, а потомъ, когда пропѣли пѣтухи, и въ воду, такъ что солдатъ сдѣлался самъ *Вожо*. Когда пришли къ мельницѣ его отецъ и мать, они рѣшились переночевать здѣсь, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли между Вожо ихъ сына.— «Только какъ намъ его узнать»?—подумали они про-себя. Но потомъ сообразили: «авось онъ почуетъ насъ, своихъ родителей и будетъ вертѣться гдѣ-нибудь поближе отъ насъ». Забрались они на ночь оба въ печь и ждутъ прихода Вожо. Дѣйствительно: въ полночь изба опять наполнилась ими; всѣ бѣгаютъ, пляшутъ, поютъ и всѣ другъ на друга похожи. Старики скоро замѣтили, что одинъ Вожо не далеко отходитъ отъ печки, даже по временамъ садится на шестокъ, и догадались, что это ихъ сынъ, а не какой-либо другой «Вожо». Поэтому, когда тотъ же Вожо одинъ разъ присѣлъ на шестокъ отдохнуть, старуха надѣла ему сзади на шею принесенный ею изъ дому новой гайтанъ съ крестомъ (крескалъ). Вскорѣ послѣ этого пропѣли пѣтухи и всѣ Вожо, по своему обыкновенію, кинулись въ воду. Кинулся за ними и сынъ стариковъ, но, подбѣжавъ къ водѣ, онъ остановился, потому что почувствовалъ себя вдругъ человѣкомъ и боялся утонуть въ водѣ; въ тоже время его схватили за руки отецъ и мать, выбѣжавшіе изъ избы, и, оттащивъ отъ рѣки, повезли домой. Сюда они его привезли больнымъ, и, сильно прохворавъ цѣлую недѣлю, онъ послѣ забылъ про то, что былъ когда-то «Вожо».

Поломская волость.

51. Вожо—страшнѣе мертвецовъ.

Два молодыхъ парня—вотяка на святкахъ поспорили между собою о томъ, гдѣ опаснѣе провести ночь: на кладбищѣ ли или въ нежилой, покинутой избѣ? и рѣшились идти въ то мѣсто, которое казалось каждому изъ нихъ наиболѣе безопаснымъ. Одинъ пошелъ на кладбище, закутался тамъ крѣпко въ шубу и легъ было спать, но передъ полуночью услышалъ, что вокругъ него сталъ кто-то ходить, ѣздить и плясать. Однако онъ никого не видалъ, а потому не особенно и испугался; но дождался на кладбищѣ пѣнія пѣтуха, послѣ котораго все затихло и ничего не стало слышно. Тогда онъ всталъ и пошелъ къ тому нежилому дому, куда ушелъ почевать его товарищъ. Подойдя къ избѣ, онъ

сталъ кликать того товарища по имени, прося, чтобы тотъ къ нему вышелъ. Вдругъ онъ слышитъ отвѣтъ чьихъ-то нѣсколькихъ чужихъ, страшныхъ голосовъ: «погоди немножко! мы еще не успѣли размотать кишки твоего товарища»! Услышавъ это парень понялъ, что ему отвѣчаютъ *«Вожо»* и, едва не потерявъ самъ сознанія, опрометью кинулся отъ избы и бѣгомъ убѣжалъ домой, а другой парень такъ и погибъ.

Люмская волость.

Группа IX-я.

52. Бабка-повитуха у Ву-муртовъ и средство узнавать послѣднихъ.

Однажды у Ву-мурта женѣ пришло время родить, но она не могла сразу разродиться и начала мучиться. Пошелъ Ву-муртъ искать повитуху и нашелъ какую-то одноглазую старуху. Приводитъ онъ ее къ водѣ и говоритъ ей: «закрой свой глазъ»!— Старуха испугалась, но повиновалась и, зажмуривъ глазъ, пошла къ Ву-мурту въ избу. Когда въ избѣ жена Ву-мурта, при пособіи бабушки, счастливо разродилась, то старуха взяла къ себѣ на руки ребенка, который у нея на рукахъ и слѣлалъ невѣжливость. Старуха, не будь проста, вымазала себѣ каломъ глазъ, а Ву-муртъ, давъ ей денегъ, вывелъ ее прежнимъ манеромъ изъ своей избы и она пошла себѣ домой. Одинъ разъ старуха увидѣла какъ бы знакомаго человѣка на рынкѣ, узнала въ немъ того самого Ву-мурта, у котораго она принимала ребенка, и начала съ нимъ громко разговаривать. Ву-муртъ удивился и спросилъ ее, почему она его узнала? Старуха призналась, что она вымазала себѣ глазъ каломъ ребенка и стала, благодаря этому, узнавать Ву-муртовъ. Ву-муртъ испугался, думая, что черезъ старуху его могутъ и другіе узнавать и, ткнувъ пальцемъ въ глазъ старухи, выкололъ ей и послѣдній глазъ.

Гыпнская волость.

53. Баба-лѣкарка у Ву-муртовъ и наказанное непослушаніе.

Одна баба пошла косить сѣно на поемный лугъ въ лѣсу и вдругъ встрѣтила тамъ Ву-мурта, который сталъ убѣдительно упрашивать ее зайти къ нему, чтобы полѣчить его больныхъ дѣтей. Женщина сначала наотрѣзъ отказалась, говоря, что она не *«пеллясь»* и не умѣетъ лѣчить. Но Ву-муртъ убѣдилъ ее въ томъ, что она достаточно знаетъ, чтобы вылѣчить его дѣтей.

Тогда женщина согласилась, и когда они пошли, Ву-муртъ предупредилъ женщину, чтобы она ступала въ воду и въ домъ къ нему сначала лѣвой ногой. Вотъ они шли—шли и наконецъ дошли до избы Ву-мурта. Баба посмотрѣла ребятишекъ Ву-мурта, пошептала надъ ними, а Ву-муртъ въ это время за печкой что-то накладывалъ ей въ пестерь, а когда баба уже собралась идти домой, Ву-муртъ отдалъ ей пестерь, наказавъ, чтобы она всю дорогу не смотрѣла, что въ немъ лежитъ. Но баба не выполнила наказа Ву-мурта и на половинѣ дороги не утерпѣла посмотрѣть въ пестерь, гдѣ, къ своей великой досадѣ, и увидѣла только одни угольи. Тогда она, разозлившись на Ву-мурта, выбросила вонъ угли, кромѣ нѣсколькихъ, случайно оставшихся въ пестерѣ, и съ пустымъ пестеремъ пошла домой. Пришедши сюда, она съ гнѣвомъ кинула пестерь на лавку, но, услышавъ, что въ немъ что-то зазвенѣло, взглянула въ него и увидѣла въ немъ нѣсколько монетъ. Тогда она сообразила, что на дорогѣ Ву-муртъ наказалъ ее за непослушаніе, и побѣжала къ тому мѣсту, гдѣ она высыпала угольи, расчитывая тамъ найти деньги. Но не только денегъ, а даже и угольевъ тамъ она уже не нашла.

Люмская волость.

54. Старикъ-лѣкарь у Ву-муртовъ и его награда.

Однажды какой-то вотякъ бросилъ въ рѣку 2-хъ живыхъ щенковъ, чтобы ихъ утопить, а они, утопая, вцѣпились зубами въ грудь жены Ву-мурта и та никакъ не могла сама ихъ отцѣпить [1]). Помучившись съ ними долгое время, она рѣшилась обратиться къ человѣческой помощи и, выскочивши изъ рѣки на берегъ, къ своему счастью какъ разъ увидѣла сѣдаго старика, который удилъ рыбу и складывалъ ее въ большой пестерь, находившійся у него за спиною. Его-то она и стала умолять, чтобы онъ освободилъ ее отъ щенятъ: а когда старикъ согласился, то она сказала ему, что этого нельзя сдѣлать тутъ, на берегу, а надо идти къ нимъ въ домъ и просила старика идти за нею. Старикъ согласился и на это. Тогда жена Ву-мурта, взявъ его за руку, повела къ воду и старикъ шелъ съ нею спокойно, пока

[1]) *Прим.* По мнѣнію стариковъ, въ рѣки никогда нельзя бросать щенковъ, не убивши ихъ предварительно, такъ какъ они непремѣнно вцѣпятся зубами въ грудь Ву-муртихѣ, а она не можетъ освободиться отъ щенковъ безъ человѣческой помощи.

не дошелъ до ея дому. Здѣсь онъ увидѣлъ прекраснѣйшій видъ. Дворъ былъ устланъ тесовымъ поломъ; кругомъ двора были выстроены высокіе амбары, а передъ амбарами бѣгали на цѣпяхъ собаки одна злѣе другой. Много ли-мало ли возился старикъ съ Ву-муртихой, но все-таки отцѣпилъ отъ ея грудей щенятъ и, въ благодарность за это, Ву-муртиха насыпала старику цѣлый шестерь гнилушекъ, приказавъ ему, чтобы отъ нея онъ шелъ прямо домой и по дорогѣ ни съ кѣмъ не говорилъ ни одного слова и не смотрѣлъ въ шестерь. Придя же домой, и опять не заглядывая въ шестерь, онъ долженъ былъ поставить его въ передній уголъ и только черезъ нѣсколько времени, совсѣмъ раздѣвшись, взглянуть въ шестерь. Старикъ точно выполнилъ все то, что ему наказала жена Ву-мурта, и за это нашелъ шестерь полный серебра.

Лудошурская волость.

55. Работникъ Ву-мурта и человѣкъ-лошадь.

Какой-то вотякъ отправился нанимать въ работники и когда проходилъ берегомъ рѣки, изъ воды вышелъ Ву-муртъ и сказалъ вотяку: — «ступай ко мнѣ жить!—я тебя буду содержать хорошо»! — Вотякъ отвѣчаетъ: «мнѣ все-равно, гдѣ ни жить, лишь бы было хорошо»! — и пошелъ вслѣдъ за Ву-муртомъ. У Ву-мурта въ рукахъ была палка, которою онъ ударилъ по водѣ, и вода разступилась на двѣ стороны. Вступая на дно рѣки, Ву-муртъ предупредилъ работника, чтобы тотъ ни говорилъ, ни въ водѣ, ни вступая въ домъ: «*Остэ*»! — Человѣкъ послушалъ Ву-мурта и они пришли къ нему въ домъ благополучно. Первая работа вотяка у Ву-мурта была съѣздить въ лѣсъ за дровами. Ву-муртъ самъ запрягъ ему лошадь и далъ свою палку, говоря: — «лошадь-то лѣнива; но ты смотри по головѣ ее не бей»! Работникъ сѣлъ и поѣхалъ въ лѣсъ, но на дорогѣ, раздосадованный неповоротливостью лошади, позабылъ приказаніе Ву-мурта и ударилъ лошадь по головѣ. И вдругъ лошадь превратилась въ человѣка, который съ плачемъ просилъ не бить его. Работникъ сначала испугался такого превращенія, а потомъ сталъ разспрашивать мужика: какъ это съ нимъ сталось, что онъ сдѣлался лошадью? — «Я купался въ полдень», — сказалъ мужикъ, — «и меня схватилъ Ву-муртъ, а потомъ обратилъ въ лошадь. Теперь мнѣ самому уже не вернуться въ деревню, но у меня тамъ осталась дочь. — Когда ты кончишь срокъ работы и пойдешь домой, отнеси ей

отъ меня мои рукавицы, которыя по сіе время висятъ на гвоздикѣ въ избѣ Ву-мурта»! Послѣ этого человѣкъ опять сдѣлался лошадью и работникъ привезъ на немъ изъ лѣсу дровъ. Вернувшись съ дровами, работникъ сейчасъ же сталъ искать рукавицы, но не нашелъ ихъ въ избѣ, а у Ву-мурта не посмѣлъ ихъ спрашивать; а когда кончился срокъ его найма, онъ не захотѣлъ больше здѣсь жить, и, получивъ отъ Ву-мурта цѣлый мѣшокъ денегъ, пошелъ домой. Но приходѣ въ деревню, онъ разсказалъ своимъ сосѣдямъ, гдѣ онъ жилъ и что онъ тамъ видѣлъ.

Ключевская волость.

56. Утопленица-вотячка, дочь Ву-мурта и невѣста своего брата.

Одному вотяку пришло время женить сына и сталъ онъ искать невѣсту, но куда онъ ни ѣздилъ свататься, никто не хотѣлъ отдать въ его домъ дочь, зная, что этотъ домъ черезчуръ бѣденъ. Разсердился наконецъ мужикъ, и разъ, ѣдучи съ одного такого неудачнаго сватовства, проговорилъ громко: хоть бы какой мурть (читай чортъ) нашелся, который бы отдалъ къ намъ въ домъ свою дочь! Вскорѣ послѣ этого встрѣчаетъ онъ на дорогѣ мужика, одѣтаго въ хорошій суконный азямъ, у котораго лѣвая пола была совершенно сырая, какъ будто вымочена въ водѣ. Этотъ встрѣчный вступилъ въ разговоръ съ бѣднякомъ, и узнавъ, зачѣмъ онъ ѣздилъ, сталъ приглашать его въ сватовья къ себѣ, говоря, что у него есть 3 дочери-невѣсты, и что онѣ будутъ очень рады жениху. Бѣднякъ обрадовался и, посадивъ къ себѣ встрѣчнаго, поѣхалъ къ нему посмотрѣть невѣстъ. Когда они подъѣхали къ рѣкѣ, встрѣчный сказалъ бѣдняку: «я *Ву-муртъ*; если ты хочешь женить сына на одной изъ моихъ дочерей, то долженъ снять крестъ и идти за мной». Мужикъ согласился, снялъ крестъ, и *Ву-муртъ*, взявъ его за руку, повелъ въ рѣку. Въ рѣкѣ *Ву-муртъ* привелъ мужика къ большому стеклянному дому, въ которомъ воды не было, и здѣсь показалъ ему 3-хъ дѣвушекъ, одна другой красивѣе, которыхъ выдалъ за своихъ дочерей. «Которая тебѣ больше всѣхъ нравится»? спросилъ мужика *Ву-муртъ*. Но мужикъ ничего не могъ сказать на это, а пообѣщавшись вскорѣ пріѣхать съ сыномъ на рукобитье, поѣхалъ домой. У этого самаго мужика съ годъ тому назадъ дочь, взрослая дѣвка, пошла съ подругами за грибами въ лѣсъ и, переходя черезъ рѣчку по бревенку, положенному на козлы (лава),

поскользнулась, упала въ воду и утонула, такъ что ее не могли нигдѣ найти. Послѣ смерти дѣвки у мужика умерла и старуха, такъ что въ домѣ не было хозяйки, отчего мужикъ особенно старался пріискать своему сыну невѣсту и поѣхалъ опять къ *Вумурту* уже вмѣстѣ съ сыномъ. Ву-мурть заставилъ ихъ обоихъ снять съ себя кресты и привелъ въ свой стекляпный домъ, гдѣ женщину также понравились одинаково всѣ 3 дѣвушки. Ву-мурть вывелъ дѣвушекъ на берегъ и обратилъ ихъ всѣхъ въ вороныхъ коней, а потомъ вывелъ туда же и бѣдняка съ сыномъ и говоритъ имъ: «выбирайте себѣ любаго изъ коней! котораго вы выберите, тотъ вашъ и будетъ»! Вотяки замѣтили, что одинъ изъ копей старается держаться поближе къ нимъ, тогда какъ остальные два держатся подальше; они и выбрали того, который былъ поближе. Когда на этого коня падѣли узду, онъ обратился въ утонувшую дочь бѣдняка, а 2 другихъ коня и Ву-мурть исчезли въ рѣкѣ. Мужикъ остался доволенъ тѣмъ, что у него въ домѣ будетъ хозяйка, и тѣмъ, что дочь его, которую не разсчитывалъ больше видѣть, опять явилась къ нему. Дѣвка разсказала имъ, что она сразу узнала отца и брата, когда они пришли къ Вумурту, но не могла обнаружить этого никакимъ словомъ или рѣзкимъ движеніемъ.

Понинская волость.

57. Утопленица—поповна и женидьба на ней вотяка.

Одинъ вотякъ ѣздилъ сватать сыну жену, но куда онъ ни ѣздилъ, всюду ему не удалось; ворочаясь домой, онъ съ досады вскрикнулъ: хоть бы Ву-муртову дочь мнѣ засватать! Вдругъ передъ нимъ появился какой-то человѣкъ и говоритъ вотяку: повтори-ка мнѣ, что ты сейчасъ сказалъ? — «Да что сказалъ»?! — говоритъ съ досады вотякъ; — «я сказалъ, что и на дочери Вумурта я радъ бы сына женить». Хорошо! говоритъ встрѣчный, я тебѣ найду невѣсту! поѣдемъ за мною! — Пріѣзжаютъ они къ избушкѣ и входятъ въ нее, а въ ней сидятъ двѣ красивыхъ дѣвушки: одна прядетъ шелкъ, а другая ткетъ коверъ; кромѣ того баба постарше у печки стряпаетъ. Баба эта и говоритъ вотяку: ты можешь выбрать любую, но лучше сначала возьми ихъ обѣихъ за руки, и у которой руки теплѣе, ту и возьми себѣ въ невѣстки. Вотякъ выбралъ ту, которая ткала коверъ. Баба и говоритъ вотяку: найди ты теперь какую-нибудь старую покинутую избу

и приготовь въ ней для насъ всякаго угощенія, да смотри не говори въ избѣ: *Остэ, Инмарэ!* а то намъ нельзя будетъ туда взойти. А встрѣтившійся вотяку человѣкъ, оказавшійся отцомъ дѣвушекъ, далъ на дорогу будущему свату корчагу углей. Вотякъ не взялъ было сначала такого подарка, но сватъ упросилъ его взять и по пріѣздѣ домой поставить корчагу подъ образа. Пріѣхалъ вотякъ домой уже къ ночи, поставилъ корчагу подъ образа, а самъ легъ спать; на утро же всталъ и видитъ, что корчага полна серебряныхъ денегъ. Тогда онъ обрадовался и началъ звать поѣзжанъ къ сыну на свадьбу, не забывъ попросить ихъ, чтобы они Инмара не поминали, не то-де худо будетъ; въ противномъ же случаѣ все обойдется хорошо. А когда-де будете ѣхать за невѣстой, то не бейте лошадей на-отмашь. Съѣздили за невѣстою и привезли ее въ церковь благополучно, но когда начали вѣнчать, то сватъ почему-то вдругъ спросилъ: «а не утонула ли у кого недавно дочь»? Стали припоминать и припомнили, что недавно утонула дочь у попа, а когда попъ всмотрѣлся въ невѣсту, то, дѣйствительно, узналъ въ ней свою дочь. Тогда онъ обвѣнчалъ свою дочь съ вотскимъ парнемъ и стала поповна жить да поживать со своимъ мужемъ.

Лудошурская волость.

58. Сѣдунъ съ двумя товарищами и ихъ женидьба на дочеряхъ Ву-мурта.

У одного крестьянина родился сынъ, котораго онъ назвалъ Сѣдуномъ. Когда Сѣдунъ выросъ, онъ сталъ обнаруживать такую большую силу, что самъ отецъ его сталъ бояться. Однажды отецъ послалъ его охотиться на медвѣдя. Онъ задушилъ медвѣдя и принесъ на себѣ къ отцу. Тогда отецъ послалъ его къ Ву-мурту попросить у того муки для дома. Сѣдунъ съумѣлъ Ву-мурта заставить дать ему муки и принесъ ее домой. Тогда отецъ прогналъ своего сына, говоря: «убирайся ты отъ меня, куда хочешь»! И пошелъ Сѣдунъ изъ отцовскаго дома, пошелъ зря туда, куда смотрѣли его глаза. Идетъ, идетъ онъ своею дорогою, и стало ему безъ товарищей скучно. Вдругъ повстрѣчался ему на дорогѣ мужичекъ. Сѣдунъ и говоритъ ему: «будь ты мнѣ товарищемъ»! Мужикъ отвѣчаетъ: «ладно»! и пошли они дальше вдвоемъ. Шли они, шли, и попадается имъ на дорогѣ другой мужичекъ. «Не хочешь ли и ты быть нашимъ товарищемъ»? спрашиваютъ они

его.—«Ладно», говоритъ и этотъ—«буду»! И пошли они дальше уже втроемъ. Шли они, шли и начали уже уставать, когда на дорогѣ увидѣли большой каменный домъ. Не долго думая, они рѣшили почевать въ этомъ домѣ и взошли сюда, но въ домѣ не нашли никого. Поискали они себѣ что-либо поѣсть, но не нашли ѣды, а такъ какъ они были очень голодны, то и порѣшили: сходить двоимъ въ ближайшую деревню за хлѣбомъ и другою провизіей, а одному—отдыхать и кипятить воду. Отправились Сѣдунъ и первый мужичекъ, а второй мужичекъ остался въ домѣ, чтобы кипятить воду. Пока тѣ ходили, съ возомъ сѣна пріѣхалъ хозяинъ этого дома и сейчасъ же выпустилъ изъ хлѣва къ сѣну 40 коровъ, а потомъ вошелъ въ домъ, и когда увидѣлъ у себя незваннаго гостя, началъ его разспрашивать: «какъ онъ сюда попалъ»?—и затѣмъ сталъ его колотить. Поколотивъ довольно, онъ оставилъ мужика тутъ же, а самъ уѣхалъ. Вернулись Сѣдунъ съ первымъ мужикомъ и, видя, что товарищъ ихъ сидитъ разстроенный, спрашиваютъ его:—«отчего ты не веселъ? что у тебя болитъ»? А тому стыдно было сказать правду, онъ и говоритъ: «у меня голова болитъ»! А не сказалъ, что пріѣзжалъ хозяинъ и его поколотилъ. На другой день варить кашу оставили второго мужика, а когда товарищи ушли, и этого также побилъ хозяинъ и также на вопросъ товарищей онъ отвѣчалъ, что у него болитъ голова. На третій день кашу варить остался Сѣдунъ, а два другіе мужика пошли за хлѣбомъ. Пріѣзжаетъ хозяинъ съ возомъ сѣна, выпускаетъ къ сѣну 40 коровъ и входитъ въ домъ, гдѣ и встрѣчаетъ Сѣдуна. Онъ бросился на него, чтобы поколотить, но Сѣдунъ успѣваетъ схватить хозяина дома за языкъ и задушить его. Когда же пришли мужики, ходившіе за хлѣбомъ, и увидѣли хозяина дома мертвымъ, то, поѣвши, перерѣзали у него всѣхъ его 40 коровъ и такимъ образомъ запаслись провизіей надолго. Не вдалекѣ отъ этого дома былъ колодецъ, а въ этомъ колодцѣ жилъ Ву-муртъ, у котораго было нѣсколько дочерей, а такъ какъ мужикамъ стало скучно жить безъ бабъ, то Сѣдунъ и рѣшился идти къ Ву-мурту, чтобы сосватать его дочерей. Шкуры съ коровъ разрѣзали на ремни, связали между собою, тогда вышла очень длинная и прочная веревка. По этой веревкѣ Сѣдунъ спустился въ колодезь къ Ву-мурту и спрашиваетъ его: «сколько у тебя дочерей»?—«Три»!—отвѣчаетъ ему Ву-муртъ.—Сѣдунъ и говоритъ:—«отдай ихъ всѣхъ намъ замужъ»!—Ву-мурту не хотѣлось

бы отдавать, да онъ побоялся Сѣдуна и отдалъ. Сначала къ веревкѣ привязалъ Сѣдунъ тѣхъ двухъ дочерей Ву-мурта, которыя ему меньше понравились и которыхъ онъ назначилъ въ жены своимъ товарищамъ. Мужики вытащили ихъ, а потомъ бросили ремни въ колодезь и этимъ самого Сѣдуна съ его молодухой оставили въ колодцѣ. Сѣдунъ очень разсердился, и когда его баба, дочь Ву-мурта, помогла ему выйти изъ колодца на землю, тогда онъ сейчасъ же убилъ обоихъ мужиковъ вмѣстѣ съ ихъ женами, а самъ поселился въ каменномъ домѣ, гдѣ и живетъ хорошо попыпѣ со своею бабою, дочерью Ву-мурта.

Лудошурская волость.

59. Богачъ и честолюбіе Ву-мурта.

У одного богача было очень много денегъ. Онъ загордился и не сталъ уважать Ву-мурта. А у этого богача жилъ очень хорошій работникъ, которому богачъ вполнѣ довѣрялъ и котораго онъ посылалъ всюду вмѣсто себя. Разъ онъ послалъ работника на мельницу молоть рожь. Тотъ поѣхалъ, засыпалъ рожь, пустилъ колеса, а мельница не мелетъ, да и только. Сталъ работникъ присматриваться, отчего это мельница не мелетъ, и видитъ, что Ву-муртъ схватился руками за жерновъ и держитъ его. Работникъ и спрашиваетъ его: «почему это ты не даешь мнѣ молоть»? А Ву-муртъ отвѣчаетъ: «не дамъ я тебѣ молоть! ступай за хозяиномъ»! Пошелъ работникъ домой и говоритъ хозяину: «не даетъ мнѣ рожь молоть».—Хозяинъ и спрашиваетъ: да кто не даетъ-то?— «Ву-мурть не даетъ»!— «А почему»?—Да не знаю! послалъ меня къ тебѣ.—Говоритъ: ступай за хозяиномъ»! Но хозяинъ и тутъ не пошелъ, а опять послалъ работника и опять Ву-мурть не далъ ему молоть. Работникъ вторично пошелъ за хозяиномъ и наконецъ привезъ хозяина на мельницу. Хозяинъ подошелъ къ Ву-мурту и спрашиваетъ его: «здравствуй! почему ты не даешь молоть мою рожь»? А Ву-мурть и говоритъ: «потому не даю, что ты мнѣ давно не кланялся; а вотъ теперь пришелъ, поклонился, и я тебѣ позволяю молоть»! Съ этими словами мельница пошла въ ходъ.

Лудошурская волость.

60. Вотякъ на ночлегѣ у Ву-мурта.

Поѣхалъ одинъ вотякъ на мельницу и подъ вечеръ встрѣ-

тилъ Ву-мурта, который предложилъ вотяку переночевать у него. Вотякъ волей-неволей согласился и въѣхалъ во дворъ. Ву-муртъ и говоритъ вотяку: «распрягай лошадь, да иди въ избу ѣсть». Вотякъ распрягъ лошадь, вошелъ въ избу, сѣлъ на лавкѣ у дверей и слушаетъ; а у печки двое сыновей Ву-мурта разговариваютъ между собою о чемъ-то страшномъ. Вотякъ перепугался и не знаетъ, что дѣлать! Тогда подходитъ къ нему старый Ву-муртъ и говоритъ: «что ты ихъ слушаешь! ты ѣшь себѣ и не бойся»!— Вотякъ паѣлся и напился, а Ву-муртъ попросилъ у вотяка продать ему его муку. Вотякъ отдалъ муку безъ цѣны, за что и получилъ отъ Ву-мурта цѣлое рѣшето серебряныхъ денегъ.

Гынская волость.

61. Обмолвка вотяка въ гостяхъ у Ву-мурта.

Одинъ вотякъ и Ву-муртъ жили дружно между собою. Разъ вотякъ позвалъ Ву-мурта къ себѣ въ гости, а Ву-муртъ, посидѣвъ у вотяка нѣкоторое время, попивъ и поѣвъ съ послѣднимъ, сталъ звать обратно къ себѣ вотяка. Когда вотякъ согласился, Ву-муртъ ему и говоритъ: «ты смотри! что бы ты ни увидалъ на дорогѣ, руками не хватай»! Пошли они, и пошли какъ будто въ лѣсъ, но вотякъ видитъ, что около него плаваютъ большія-пребольшія рыбы. Посмотритъ онъ на нихъ; у него даже слюнки текутъ, а взять ихъ руками не рѣшается. Такъ и прошли они дальше. Придя къ избушкѣ, говоритъ вотяку Ву-муртъ: «ты, смотри, не забудься! не говори *«Остэ, Инмарэ»!* Входятъ они въ избушку и видитъ вотякъ, что сидятъ 3 дѣвушки, всѣ безъ головъ, но всѣ прядутъ пенъ. Вотякъ такъ испугался этого явленія, что воскликнулъ: *Остэ Инмарэ!* и очнулся, а когда осмотрѣлся, то увидѣлъ себя на мельничной плотинѣ и, вскочивъ на ноги, убѣжалъ домой безъ оглядки.

Гынская волость.

62. Подслушанные бѣднякомъ разговоры Ву-муртовъ.

Поселились на починкѣ два вотяка: бѣдный и богатый. Разъ бѣдный пошелъ къ богатому за огнемъ, но богатый только обругалъ его и выгналъ вонъ, не давъ ему огня. Пошелъ бѣдный, понуривъ голову, но, увидѣвъ огонь на мельницѣ, подошелъ онъ къ дербеню и началъ прислушиваться. А въ дербенѣ сидѣли въ это время 3 Ву-мурта и разговаривали между собою.

Одинъ изъ нихъ и говоритъ: «люди постоянно ходятъ сюда, а крестнаго знаменія не творятъ: вотъ я и прорываю такъ часто плотину»!.. Другой говоритъ: «въ деревнѣ живутъ три брата вмѣстѣ и имѣетъ каждый по корчагѣ денегъ, но деньги эти я спряталъ подъ поломъ въ избѣ такъ, что они никакъ не могутъ ихъ найти»! Вотякъ подслушалъ это и тихонько отправился домой. На утро онъ пошелъ въ деревню и говоритъ: «сколько вы дадите мнѣ денегъ, если я удѣлаю мельницу такъ, что больше не станетъ прорывать плотину»? Ему назначили сумму денегъ. Онъ взялъ рабочихъ, починилъ плотину и вырубилъ на ней крестъ. Съ тѣхъ поръ плотину не стало прорывать! Покончивъ дѣло съ плотиной, отправился онъ къ 3 братьямъ и говоритъ имъ: «я знаю, что у васъ есть 3 корчаги денегъ, но вы не знаете, куда онѣ у васъ дѣвались. Если вы отдадите мнѣ одну корчагу, я вамъ доставлю остальныя двѣ»! Братья, подумавъ, согласились, а вотякъ, поднявъ половицы въ избѣ, сейчасъ же досталъ деньги. Взявъ себѣ по уговору одну корчагу, бѣдный вотякъ отправился домой, поправилъ свое хозяйство, прикупивъ того и другаго, и позвалъ къ себѣ богатаго въ гости. Богатый уже отчасти догадался, что дѣла бѣднякa поправились, и согласился на этотъ разъ пойти къ сосѣду. Когда онъ вошелъ въ избу, то удивился всякому изобилію у бѣднаго вотяка и спрашиваетъ его: «гдѣ ты взялъ столько добра»? – Бѣдный и говоритъ: «Богъ мнѣ далъ все это, а не такіе люди, конечно, какъ ты, которые даже огня жалѣютъ»! Съ тѣхъ поръ богатый вотякъ сталъ заискивать у бѣднаго, почитая его счастливымъ.

Гынская волость.

63. Рыбаки и попытка Ву-мурта заманить ихъ въ воду.

Однажды 3 вотяка отправились на Чепцу съ недоткой рыбачить и въ первую тонь поймали всего три рыбки. Завели они другую тоню и очень долго тащили ее, такъ что время было къ вечеру, и слышатъ: кто-то на противоположномъ берегу вышелъ на берегъ и кричитъ имъ: «не тяните вы больше этой тони! вы на свою долю наловили уже рыбы, а рыба въ рѣкѣ водится не для васъ однихъ, нужно ее оставить и на долю другихъ»! Вытащили они тоню на берегъ, а въ ней, дѣйствительно, ничего нѣтъ, кромѣ сору да коряг. Послѣ этой тони они очень измучились, а такъ какъ солнышко было совсѣмъ на закатѣ, то они

и остались на берегу ночевать. Поднявшись на другой день утромъ очень рано, вмѣстѣ съ солнышкомъ, они опять прорыбачили весь день до поздняго вечера, но не поймали теперь уже ни одной рыбки. Измученные и раздосадованные, они рѣшились и другую ночь провести тутъ же на берегу. А такъ какъ имъ не изъ чего было варить ухи, то они не зажигали костра съ вечера. Ночью одинъ изъ вотяковъ случайно проснулся и, почувствовавъ, что онъ прозябъ, взялъ да зажегъ костеръ и видитъ: на противоположномъ берегу Чепцы стоитъ Ву-муртъ съ большимъ блестящимъ сундукомъ въ рукахъ. Ву-муртъ, недовольный тѣмъ, что его подслѣдили, началъ звать вотяка на свою сторону, предполагая его утопить въ рѣкѣ. «Плыви», говоритъ «сюда! у меня въ сундукѣ всякій товаръ есть, и я тебѣ уступлю очень дешево». Но вотякъ понялъ хитрость Ву-мурта и, не согласившись идти къ нему, сталъ звать его къ себѣ на этотъ берегъ. Ву-муртъ подумалъ: «я съ нимъ справлюсь съ однимъ то, а другіе оба спятъ»!—и пришелъ къ вотяку. Но когда сталъ подходить близко къ костру, вотякъ уже успѣлъ разбудить своихъ товарищей, и Ву-муртъ, не видя возможности справиться со всѣми ими, ушелъ въ воду, унося туда и свой сундукъ. Всѣ вотяки видѣли что онъ одѣтъ совершенно, какъ деревенскій богачъ, и замѣтили, что лѣвая пола его одежды была очень сыра, тогда какъ правая совершенно суха.

Лудошурская волость.

64. Ву-муртъ—воръ, но мститель вотяку за обманъ.

Одинъ вотякъ посѣялъ рѣпу, и уродилась у него отличная рѣпа. Когда она поспѣла, онъ выкопалъ ее и перевозилъ всю поближе къ дому, въ яму. Вдругъ онъ замѣтилъ, что изъ ямы стало у него сильно убывать, почему и рѣшился нѣсколько ночей ночевать въ засадѣ, чтобы подкараулить вора, и, дѣйствительно, подкараулилъ въ таскапіи рѣпы Ву-мурта. Пойманный съ поличнымъ, Ву-муртъ сталъ просить мужика, чтобы онъ его отпустилъ, обѣщая за покраденную рѣпу насыпать ему цѣлую шляпу денегъ. Вотякъ долго не соглашался, но наконецъ, склонясь на его просьбы, отпустилъ его за деньгами, а пока тотъ ходилъ, придумалъ его обмануть: въ покрышкѣ ямы онъ прокопалъ дыру, вставилъ въ эту дыру ступицу отъ стараго колеса, позасыпалъ все сверху землею, затѣмъ прорвалъ въ верху шап-

ки дыру и опрокинулъ шапку прямо на ступицу. Ву-муртъ принесъ денегъ цѣлый мѣшокъ и началъ сыпать въ шапку, но денегъ все-таки не хватило, потому что онѣ всѣ провалились въ яму. Тогда Ву-муртъ принесъ еще больше денегъ, не догадываясь, въ чемъ дѣло, а думая, что всѣ эти деньги уходятъ въ шляпу мужика. Но когда и этихъ денегъ не хватило, Ву-муртъ догадался, что тутъ что-то не ладно, однако, ничего не сказавъ мужику, принесъ еще денегъ и насыпалъ ихъ наконецъ столько, что стала полна и яма, и ступица, и самая шляпа. Разсчитавшись по совѣсти съ вотякомъ, Ву-муртъ ушелъ къ себѣ въ воду, а мужикъ, навьючивъ цѣлый возъ денегъ, повезъ ихъ къ себѣ въ амбаръ. Но лишь только онъ отворилъ амбаръ, чтобы ссыпать туда эти деньги, какъ Ву-муртъ, превратившійся медвѣдемъ, выскочилъ изъ амбара на встрѣчу мужику, и послѣдній отъ испуга съ крикомъ бросился бѣжать въ избу, оставивъ свои деньги и лошадь у амбара, а Ву-муртъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ съ деньгами къ себѣ, отнявъ у мужика такимъ образомъ не только деньги, но и лошадь съ телѣгой.

Люмская волость.

65. Ву-мурты строители и хитрый мельникъ.

Однажды Ву-муртъ поспорилъ съ мельникомъ, что онъ въ одну ночь до утреннихъ пѣтуховъ построитъ большой каменный домъ. А надо замѣтить, что Ву-мурту очень нравилась дочь мельника. Вотъ мельникъ и предложилъ Ву-мурту такія условія, что если домъ будетъ выстроенъ, то онъ отдастъ ему свою дочь, а если домъ не успѣютъ построить, то вся постройка достанется мельнику, да кромѣ того Ву-муртъ долженъ дать ему денегъ. Ву-муртъ согласился на такія условія съ удовольствіемъ и сейчасъ послалъ звать къ себѣ на помощь всѣхъ Ву-муртовъ. Ву-мурты послушались зова товарища и, съ наступленіемъ ночи, собрались со всѣхъ концовъ земли. И закипѣла работа! Ву-мурты изъ-подъ воды сразу вытаскивали камни величиною съ хорошую конну сѣна, и домъ такъ скоро строился, что уже раньше полуночи былъ выведенъ почти подъ самую крышу. Тогда мельникъ, видя, что Ву-мурты, пожалуй, дѣйствительно, успѣютъ построить домъ до утреннихъ пѣтуховъ, и не желая проигрывать заклада, рѣшился обмануть Ву-муртовъ: надѣлъ на руки большія барашковыя рукавицы, захлопалъ ими, какъ хлопаетъ пѣтухъ крыльями передъ

своимъ нѣніемъ, и, подражая пѣтуху, самъ закричалъ: «ку-куреку»! Какъ только заслышали Ву-мурты хлопанье мельника и его нѣніе, сейчасъ же кинулись въ воду и оставили постройку не докончённой. Такъ своею хитростью мельникъ и дочь свою спасъ, и самъ сталъ богатъ.

Лудошурская волость.

66. Хитрый мужикъ и обманутые Ву-мурты.

Одинъ вотякъ жилъ очень бѣдно, а былъ онъ человѣкъ хитрый и придумалъ онъ выпросить денегъ у Ву-мурта. Взялъ онъ съ собою цѣлый мѣшокъ кудели, пошелъ на берегъ озера, гдѣ жилъ Ву-муртъ, сѣлъ тутъ и началъ вить веревку. Выходитъ къ нему изъ воды Ву мурть и спрашиваетъ: «ты это что здѣсь дѣлаешь»?—Вотякъ ему и говоритъ: да, вотъ веревку вью!—«А зачѣмъ тебѣ понадобилась веревка»?—спрашиваетъ Ву-мурть.—Да хочу я, говоритъ вотякъ, зацѣпить цѣлое озеро да и вытащить его на берегъ, чтобы озеро высушить, а на днѣ его хлѣбъ посѣять, а то у меня полей мало, и вотъ я бѣденъ. Съ мужикомъ говорилъ молодой Ву-мурть, который не смѣлъ ничего сдѣлать безъ стараго Ву-мурта, по этому онъ и говоритъ вотяку: «погодика! я схожу, съ отцемъ посовѣтуюсь»! И кинулся опять въ озеро, а оттуда выходитъ чрезъ нѣсколько времени и говоритъ: «давай мы съ тобою побьемся объ закладъ: кто кого перегонитъ? Если ты меня, то тащи воду изъ озера; а если я тебя, то убирайся себѣ домой».—Некогда мнѣ съ тобою бѣгать, говоритъ вотякъ: мнѣ еще долго нужно веревки вить; ты лучше побѣгай съ моимъ младшимъ братомъ, который спитъ вотъ подъ тѣмъ кустомъ! Ты только подойди къ нему, да крикни *«ать»*! и онъ съ удовольствіемъ побѣжитъ съ тобою.—А вотякъ уже раньше замѣтилъ, что подъ кустомъ лежитъ заяцъ. Ву-мурть сдѣлалъ, какъ сказалъ ему вотякъ; но заяцъ скоро такъ опередилъ Ву-мурта, что его и слѣдъ простылъ. Совсѣмъ измученный вернулся Ву-мурть къ вотяку и говоритъ ему: «ну, твой братъ хорошо умѣетъ бѣгать! онъ меня совсѣмъ измучилъ! Но ты все-таки погоди, я опять со старикомъ поговорю»! И опять спустился въ озеро, а чрезъ нѣсколько времени выходитъ оттуда и говоритъ: «давай мы съ тобою поборемся! Если ты меня поборешь, суши озеро; а если нѣтъ, ступай домой». А вотякъ въ это время примѣтилъ, что немного подальше вышелъ на берегъ озера воду пить медвѣдь, да

и говоритъ Ву-мурту сердито: гдѣ тебѣ со мною справиться? что ты мнѣ все мѣшаешь вить веревки? тебѣ не побороть моего старика отца, который пришелъ на меня посмотрѣть и вонъ тамъ воду пьетъ. Ву-муртъ пошелъ бороться къ медвѣдю, который, увидѣвъ Ву-мурта, сталъ на заднія лапы и сразу такъ крѣпко смялъ его, что тотъ еле-живой вырвался изъ его когтей. Приходитъ онъ къ вотяку и говоритъ: «ну, твой старикъ больно силенъ! еле-живымъ я отъ него вырвался! А все-таки ты погоди сушить наше озеро, я еще поговорю со своимъ старикомъ»! Нырнулъ онъ опять въ озеро и является оттуда съ желѣзною палкой, а въ этой палкѣ вся сила Ву-мурта. Вотъ бросилъ Ву-муртъ эту палку кверху очень высоко; а вотякъ, видя, что ему такъ высоко не бросить, оглянулся во всѣ стороны и, замѣтивъ на одномъ краѣ неба тучку, смотритъ на нее. Ву-муртъ его спрашиваетъ: «что жь ты не бросаешь»?—Погоди, говоритъ ему вотякъ, вонъ видишь тамъ идутъ двигающіяся мои полати; палка-то эта мнѣ когда нибудь быть-можетъ пригодится, такъ я ее хочу на эти полати пока закинуть. Ву-муртъ испугался и, подумавъ, что вотякъ и въ самомъ дѣлѣ навсегда забросить его палку, взялъ ее обратно изъ рукъ вотяка и поскорѣе нырнулъ съ нею опять въ озеро къ отцу. Наконецъ выходитъ оттуда и проситъ: «не разоряй ты нашего дома! если ты бѣденъ, мы тебѣ денегъ дадимъ, сколько тебѣ нужно».—А вотякъ только того и ждалъ.—Да что съ тебя много спрашивать? насыпь мнѣ всего мою шапку и будетъ съ меня!—Ву-муртъ очень обрадовался, что вотякъ съ него проситъ такъ мало денегъ, и опрометью кинулся въ озеро за ними, а вотякъ въ это время успѣлъ выкопать въ землѣ очень глубокую, но узкую яму, которую накрылъ своею шапкою, напередъ проткнувши въ вершинѣ шапки дыру. Ву-муртъ принесъ денегъ въ небольшемъ кошелѣ, высыпалъ всѣ ихъ, а въ шапкѣ не осталось ни одной. Еще принесъ Ву-муртъ мѣшокъ, и опять денегъ стало мало. И еще принесъ мѣшокъ и только тогда насыпалъ цѣлую шляпу.—«Ну», говоритъ Ву-муртъ вотяку: «у тебя настолько же вмѣстительна шляпа, насколько велика твоя сила и проворство».—А вотякъ про себя только посмѣивается, и, когда Ву-муртъ ушелъ домой, онъ взялъ съ собою всѣ деньги изъ шляпы и изъ ямы и пошелъ также домой, гдѣ и сталъ жить богато.

Лудошурская волость.

67. Узнанный Ву-муртъ и его месть.

Въ одномъ городѣ Ву-муртъ открылъ торговлю рыбой: торговалъ онъ въ видѣ человѣка, и долго никто не могъ его распознать, пока одинъ вотякъ не узналъ его, и думая воспользоваться своимъ открытіемъ для своей выгоды, онъ пришелъ къ нему и говоритъ: а вѣдь я узналъ тебя! ты *Ву-муртъ*. Ву-муртъ и спрашиваетъ его: «который это глазъ у тебя такъ хорошо видитъ, что и меня узналъ»? Вотякъ говоритъ: я тебя узналъ лѣвымъ глазомъ. Тогда Ву-муртъ схватилъ за голову одну изъ лежащихъ предъ нимъ на прилавкѣ рыбъ и такъ ткнулъ хвостомъ ея въ лѣвый глазъ вотяку, что выкололъ ему этотъ глазъ, и вотякъ, не получивши выгоды, со слезами пошелъ домой.

Лудошурская волость.

68. Ву-муртъ, убитый выстрѣломъ.

Мололъ разъ вотякъ на мельницѣ рожь, и случилась ему нужда сходить вверхъ за мѣшкомъ. Зажегъ онъ фонарь и пошелъ, и вдругъ видитъ: тамъ сидитъ Ву-муртъ и расчесываетъ свои волосы гребнемъ, а волосы длинные, густые, черные-пречерные. — «Кто ты такой»? спросилъ его мужикъ. — Ву-муртъ говоритъ ему: я человѣкъ! — «Врешь»! говоритъ ему мужикъ: «ты не человѣкъ, а Ву-муртъ! убирайся отсюда»! — Но Ву-муртъ заспорилъ съ мужикомъ: не пойду я, говоритъ. Здѣсь мой домъ! здѣсь я живу! Мужикъ разсердился и кинулъ въ Ву-мурта фонаремъ, который былъ у него въ рукахъ, а Ву-муртъ за это схватилъ мужика и потащилъ было его въ воду, но мужикъ сталъ кричать, и на крикъ его прибѣжалъ народъ, который отбилъ его у Ву-мурта, а Ву-мурта заставилъ спрятаться въ воду. Послѣ этого мужикъ, видѣвшій Ву-мурта, сталъ жалѣть, зачѣмъ позволили тогда Ву-мурту скрыться, и сталъ думать, какъ бы ему Ву-мурта известь. Онъ выждалъ время, когда Ву-муртъ выходилъ на берегъ, подстерегъ его здѣсь и подстрѣлилъ, такъ что тотъ ушелъ въ воду мертвымъ, и вдругъ вся вода сдѣлалась красною, а цѣлую слѣдующую ночь въ водѣ семьи Ву-муртовъ ревѣла и шумѣла.

Ключевская волость.

Группа X-я.

69. Сожженье Нюлэсъ муртовъ, вознаграждаемое Ву-муртомъ.

Одинъ вотякъ, охотясь въ лѣсу, остался въ немъ почевать и отъ холоду запалилъ костеръ, около котораго и легъ спать. Вдругъ ночью съ шумомъ и трескомъ приходитъ къ нему большой сѣдой человѣкъ и говоритъ охотнику: «зачѣмъ это ты зажегъ такой большой огонь? я бы тебя могъ согрѣть и безъ огня! погаси костеръ и ложись со мною»! Охотникъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему старикъ, но заподозрилъ старика въ дурномъ умыслѣ противъ себя. Когда старикъ только началъ дремать, охотникъ потихоньку снялъ съ себя свой бѣлый сукманъ и, свернувъ, положилъ его на своемъ мѣстѣ, какъ будто онъ самъ спитъ здѣсь, а самъ-то между тѣмъ отползъ съ ружьемъ нѣсколько дальше, подъ кустъ, и началъ высматривать, что будетъ дальше дѣлать старикъ. И видитъ онъ: поспавъ какой-нибудь часъ, старикъ проснулся и, видя бѣлѣющій въ темнотѣ сукманъ и думая, что это лежитъ охотникъ, схватилъ большой ножъ и началъ рубить сукманъ изо всей силы, приговаривая: «рубилъ, рубилъ, всего изрубилъ»! Охотнику показалось это досадно, и онъ не утерпѣлъ, чтобы не выстрѣлить изъ ружья въ старика и не закричать: «нѣтъ, еще не изрубилъ»! но зарядъ его весь попалъ не въ старика, который былъ Ву-муртъ, а въ сукманишъ самого охотника. Выстрѣливъ, охотникъ бросился бѣжать, а чтобы старикъ его не догналъ, онъ бѣжалъ не прямо, а дѣлалъ петли, какъ заяцъ, и успѣлъ убѣжать отъ старика домой. Черезъ нѣкоторое время охотникъ опять пошелъ въ лѣсъ гнать смолу; нашелъ онъ смолистое дерево, срубилъ и разрубилъ его, а затѣмъ сложилъ въ груду и зажегъ огонь. Когда груда стала прогорать, къ ней подошли маленькіе Нюлэсъ-мурты и просили его позволенія погрѣться у костра, а мужикъ и говоритъ имъ: ступайте въ середину! тамъ вамъ будетъ теплѣе! Они повѣрили и кинулись въ середину, гдѣ и стали отъ боли плясать на золѣ. Человѣкъ покрылъ ихъ землей и пошелъ домой. Какъ вдругъ на встрѣчу ему идетъ изъ лѣсу его прежній знакомый сѣдой человѣкъ и спрашиваетъ: «ты это куда ходилъ»? Человѣкъ ему и говоритъ: ходилъ я въ лѣсъ, сначала на охоту, а потомъ смолу гнать, а при этомъ кстати нѣсколькихъ Нюлэсъ-муртовъ сжегъ.— «Хорошо ты сдѣлалъ»! — сказалъ ему старикъ;— «Нюлэсъ-мурты всегда были нашими вра-

гами»!—Въ благодарность за это старикъ далъ вотяку много денегъ, и вотякъ съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ.

Гыинская волость.

70. Вотякъ въ битвѣ Нюлэсъ-муртовъ и Ву-муртовъ.

Одинъ бѣдный вотякъ рѣшился идти наниматься въ работники и на дорогѣ встрѣтилъ Нюлэсъ-мурта, который спросилъ его: ты куда идешь?—«Иду-де наниматься въ работники».—Нюлэсъ-муртъ говоритъ:—«ступай ко мнѣ въ работники»!—Мужикъ отвѣчаетъ:—«ладно»!—Тогда Нюлэсъ-муртъ далъ ему большую палку и говоритъ: «ступай вотъ по этой дорогѣ черезъ волокъ! Тамъ ты найдешь избушку. Зайди въ нее и дождись меня въ ней»!—Вотякъ послушался, нашелъ въ лѣсу небольшую избушку, взошелъ въ нее и сѣлъ здѣсь дожидаться Нюлэсъ-мурта. Черезъ нѣкоторое время вернулся Нюлэсъ-муртъ и говоритъ вотяку: «пойдемъ вмѣстѣ съ нами сражаться противъ Ву-муртовъ».—Ладно, говоритъ работникъ.—И пошли. Нюлэсъ мурты стали вырывать съ корнями большія деревья и начали бить «*Ву-муртовъ*», которые частью кинулись въ воду, а частью перебѣжали на другой берегъ рѣки. Работникъ, колотившій «*Ву-муртовъ*» палкою, которую ему далъ Нюлэсъ-муртъ, этою же самою палкою такъ сильно ударилъ по водѣ, что рѣка разступилась на двѣ части, такъ что можно было перейти на другой берегъ. Когда Нюлэсъ-мурты побили всѣхъ «*Ву-муртовъ*», хозяинъ вотяка и говоритъ ему: ну, спасибо! ты хорошо служилъ! теперь можешь идти домой. И далъ ему лошадей доѣхать до дому, съ тѣмъ, что когда онъ пріѣдетъ домой, то повернулъ бы лошадей голова къ лѣсу и свиснулъ, а онѣ де сами вернутся назадъ. Лишь только вотякъ сѣлъ на телѣгу, какъ лошади поднялись кверху и побѣжали очень быстро надъ деревьями къ дому работника, гдѣ и остановились. Работникъ слѣзъ, повернулъ ихъ головою къ лѣсу, какъ сказалъ ему Нюлэсъ-муртъ, свиснулъ, и лошади опять помчались также скоро обратно домой. Послѣ этого вотякъ началъ постепенно богатѣть.

Гыинская волость.

71. Вотякъ и лошади Нюлэсъ-мурта.

Одному вотяку нужно было купить лошадь. Передъ тѣмъ, какъ отправиться на ярмарку, онъ пошелъ въ лѣсъ принести

куяськонъ Нюлэсъ-мурту, прося, чтобы Нюлэсъ-муртъ помогъ ему выбрать лошадь получше. Придя на ярмарку, вотякъ встрѣтилъ высокаго человѣка, у котораго лѣвая пола была завернута наружу. Этотъ человѣкъ и говоритъ вотяку: «если ты хочешь купить хорошую лошадь, то бери перваго попавшагося сапраску»! Вотякъ исполнилъ совѣтъ этого человѣка, и попалась ему такая лошадь, которую не надо было ни кормить, ни поить, которую даже никто не могъ видѣть, но которая бѣгала точно вѣтеръ. Захотѣлось вотяку къ этой лошади подобрать пару. Пошелъ онъ на рынокъ, принеся прежде куяськонъ Нюлэсъ-мурту, и опять купилъ такую же лошадь. Пріобрѣтя пару одинаковыхъ лошадей, онъ началъ промышлять извозомъ и брался перевозить скоро и въ сохранности. Одинъ разъ онъ съ возами остановился на дорогѣ у одного знакомаго мужика. Между прочимъ зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и хозяинъ сталъ хвалить своихъ, а вотякъ—своихъ. Долго они спорили, наконецъ вотякъ и говоритъ: «да моихъ-то лошадей и кормить не надо никогда, потому что онѣ всегда и безъ корму сыты»! Хозяинъ двора, давно ужъ удивлявшійся тому, что вотякъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія на своихъ лошадей и по пріѣздѣ всякій разъ беретъ у него отдѣльную конюшню, которую запираетъ на ключъ, задумалъ ночью, взявъ потихоньку у вотяка ключъ, посмотрѣть хорошенько, что за лошади у вотяка. Онъ взялъ фонарь, и когда взошелъ въ конюшню, то увидѣлъ вмѣсто лошадей крылатыхъ шайтановъ, и эти шайтаны, замѣтивъ человѣка съ огнемъ, сейчасъ же исчезли, такъ что хозяинъ не успѣлъ ихъ даже разсмотрѣть хорошенько. Бѣдный же вотякъ другой разъ пріобрѣсти такихъ лошадей уже не могъ.

Гынская волость.

72. Нюлэсъ-муртъ—мужъ вдовы.

Какая-то молодая бабенка внезапно овдовѣла, и такъ какъ она очень любила своего мужа, то стала сильно плакать, цѣлые дни и ночи проводя въ слезахъ и даже отказываясь отъ ѣды и питья. Въ своей избушкѣ эта вдова жила совершенно одна. Вотъ въ одну ночь она и слышитъ, что кто-то подошелъ къ ея дверямъ и начинаетъ стучаться.—Кто тамъ?—спрашиваетъ она.—«Отворяй», говоритъ ей знакомый голосъ.—«это я, мужъ твой, къ тебѣ вернулся»!—Отворила баба двери и очень обрадовалась.

увидѣвъ, что дѣйствительно пришелъ ея мужъ.—«Ты такъ сильно горевала»,—сказалъ мужъ входя,—«что я пожалѣлъ тебя и вернулся къ тебѣ съ того свѣта обратно»! Баба сейчасъ же накормила и напоила его и потомъ они легли вмѣстѣ спать, а съ этой ночи и началъ къ ней каждую ночь пріѣзжать ея мужъ на тройкѣ лошадей, запряженныхъ въ повозку, при чемъ въѣзжалъ на дворъ каждый разъ прямо черезъ ворота. Баба каждый разъ, бывало, распряжетъ коней, накормитъ и напоитъ своего гостя и потомъ ляжетъ вмѣстѣ съ нимъ спать, не видя въ немъ ничего подозрительнаго. Но народъ сталъ замѣчать, что каждую ночь на дворъ къ этой бабѣ прилетаетъ что-то въ родѣ горящаго снопа и на дворѣ пропадаетъ. Стали люди говорить объ этомъ и самой вдовѣ, а та и думаетъ: чтожъ бы это такое значило? мнѣ представляется, что онъ пріѣзжаетъ на тройкѣ въ повозкѣ, а другимъ, что онъ прилетаетъ горящимъ снопомъ. И рѣшилась она хорошенько приглядѣться къ тому, кто назвался ея мужемъ. Вотъ разъ, когда онъ спалъ, она зажгла внезапно огонь и разсмотрѣла, что у лежащаго на кровати тѣло все черное, а не такое бѣлое, какъ было у ея мужа. На другой день баба побѣжала къ попу замаливать грѣхъ, но когда она вернулась отъ попа, ночью къ ней опять пришелъ тотъ, кто приходилъ ранѣе. Тогда баба, по указанію попа, начала читать молитвы, а приходящій (который оказался Нюлэсь-мурть) схватилъ бабу за руки и переломалъ ей пальцы, а затѣмъ вихремъ исчезъ изъ избы.

Лудошурская волость.

73. Три находки вотяка и три дѣвушки.

Одинъ вотякъ поѣхалъ себѣ отыскивать невѣсту. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ большимъ лѣсомъ, да и заблудился; вдругъ слышитъ пѣніе пѣтуха и думаетъ: навѣрное, здѣсь гдѣ-нибудь близко деревня! А такъ какъ на лошади проѣхать было нельзя, то онъ оставилъ лошадь въ лѣсу и пошелъ пѣшкомъ туда, гдѣ пѣлъ пѣтухъ. Приходитъ на мѣсто и видитъ: поле въ лѣсу, а на полѣ стоитъ пѣтушиная голова и громко поетъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ шестерь, висѣвшій у него за плечами, вернулся къ лошади и поѣхалъ дальше, куда глаза глядѣли. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и слышитъ: собака лаетъ. «Ну, уже здѣсь непремѣнно деревня есть», подумалъ онъ про себя, опять сошелъ съ лошади и пошелъ на собачій лай. Приходитъ и видитъ: опять поле, а по-

среди поля живая собачья голова стоитъ и лаетъ и такъ сильно лаетъ, какъ будто съѣсть всѣхъ хочетъ, такъ что вотяку смѣшно даже стало. Взялъ онъ собачью голову, положилъ и ее въ пестерь, вернулся къ лошади и опять дальше поѣхалъ. Ѣдетъ онъ, ѣдетъ, наконецъ слышитъ, что кто-то въ сторонѣ дрова колетъ. «Ну», думаетъ онъ про себя, «теперь я непремѣнно узнаю, какъ изъ лѣсу выбраться»! Пошелъ онъ къ дровосѣку и видитъ: въ полѣно воткнутъ клинъ, а вокругъ полѣна палка мечется, никѣмъ неподдерживаемая, и все клинъ ударяетъ, все его въ полѣно заколачиваетъ. И опять засмѣялся вотякъ, взялъ палку въ руки, а клинъ положилъ въ пестерь, вернулся къ лошади и поѣхалъ дальше. Проѣхавъ нѣсколько времени, онъ наконецъ видитъ въ лѣсу баню. Привязалъ онъ лошадь къ дереву, заглянулъ въ окно и видитъ: въ банѣ сидятъ 3 дѣвки, одна другой красивѣе, такъ что на всякой изъ нихъ онъ не прочь бы жениться. «Какъ мнѣ узнать, которая изъ нихъ будетъ мнѣ лучшей женою», подумалъ онъ про себя и порѣшилъ: «покажу я имъ голову пѣтуха и собаки, а также палку и клинъ. Которая изъ дѣвокъ скорѣе разсмѣется, ту я и буду за себя сватать, потому что та дѣвка, значитъ, веселѣе другихъ». Вздумано, сдѣлано. Вошелъ онъ въ баню, поздоровался, кое-что поговорилъ, а потомъ и выкладываетъ на столъ головы пѣтуха и собаки, а на лавку кладетъ палку и клинъ. Сейчасъ же пѣтушиная голова запѣла, собачья—залаяла, а палка стала плясать вокругъ клина и его заколачивать. Едва только увидѣла это одна изъ дѣвушекъ, какъ громко расхохоталась. Эту дѣвушку вотякъ потомъ и взялъ за себя замужъ.

Уканская волость.

74. Нюлэсъ-муртъ и медвѣди.

Одинъ вотякъ пошелъ въ лѣсъ охотиться, но заблудился и проплуталъ до самаго вечера. Когда уже стемнѣло, онъ увидѣлъ издали какой-то огонекъ, долго добирался до него по чащѣ и наконецъ пришелъ къ дому, гдѣ жилъ Нюлэсъ-муртъ. Нюлэсъ-муртъ принялъ охотника ласково и велѣлъ ему ложиться спать на полатяхъ, предупредивъ его, чтобы тотъ лежалъ, какъ можно смирнѣе, «потому-дескать, что у меня будутъ въ эту ночь страшные гости»! Дѣйствительно! Въ полночь въ избу лѣшаго собралось многое-множество медвѣдей, изъ которыхъ одинъ былъ такого большаго роста, что голова его была выше полатей. Онъ

заглянувъ на полати, увидалъ здѣсь лежащаго мужика, но только фыркнулъ, а ничего не сказалъ.—Оказалось, что медвѣди эти пришли къ Нюлэсъ-мурту за позволеніемъ залегать въ берлоги, и за указаніемъ, гдѣ кому помѣститься на зимнія квартиры. Нюлэсъ-муртъ уважилъ ихъ просьбу:—позволилъ имъ ложиться и указалъ каждому его мѣсто, послѣ чего отпустилъ медвѣдей во свояси. Охотникъ же, проспавъ у Нюлэсъ-мурта до утра, пошелъ оттуда домой и въ наступившую зиму охотился чрезвычайно удачно, напередъ зная, гдѣ какой медвѣдь лежитъ.

Люмская волость.

75. Нюлэсъ-муртъ—хозяинъ звѣрей.

Одинъ вотякъ охотился въ большомъ лѣсу за бѣлками и, потерявши дорогу, пошелъ было по какой-то тропинкѣ, но вдругъ провалился въ глубокую яму и въ этой ямѣ увидѣлъ домъ Нюлэсъ-мурта. Входитъ онъ въ домъ и видитъ Нюлэсъ-мурта, который и говоритъ вотяку: «не во время ты пришелъ! у меня сейчасъ соберутся гости и если они тебя увидятъ, то растерзаютъ. Прячься поди скорѣе на печкѣ»! Вотякъ запрятался на печь и высматриваетъ оттуда потихоньку, что будетъ дальше. Первымъ гостемъ пришелъ къ Нюлэсъ-мурту тигръ и какъ только вступилъ въ избу, началъ нюхать вокругъ себя и говоритъ Нюлэсъ-мурту: у тебя въ избѣ кто-то есть! Но Нюлэсъ-муртъ возражаетъ ему: «нѣтъ! у меня никого нѣтъ!» За тигромъ приходитъ медвѣдь, также нюхаетъ и обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ хозяину. Нюлэсъ-муртъ опять отвѣчаетъ, что у него никого нѣтъ. Потомъ приходятъ другія животныя, прилетаютъ птицы и всѣмъ Нюлэсъ-муртъ говоритъ, что у него никого нѣтъ! Когда всѣ животныя и птицы собрались, тогда Нюлэсъ-муртъ назначилъ, что кому нужно дѣлать въ этотъ день, послѣ чего животныя разошлись. Вотякъ, поблагодаривъ хозяина за то, что онъ его спряталъ отъ животныхъ, просилъ Нюлэсъ-мурта дать ему счастья на охотѣ. Тогда Нюлэсъ-муртъ сказалъ ему: вотъ сходи въ это мѣсто и въ это мѣсто! здѣсь одинъ медвѣдь лежитъ подъ стогомъ сѣна, а тамъ другой лежитъ въ чащѣ. Только ты иди одинъ, а иначе тебѣ не будетъ удачи! Охотникъ еще разъ поблагодарилъ Нюлэсъ-мурта и пошелъ, но, побоявшись идти одинъ, зашелъ въ деревню и взялъ съ собою на охоту много народу. Когда они стали подходить къ стогу сѣна, медвѣдь зарычалъ и всѣ люди, которые

или съ охотникомъ, такъ испугались, что убѣжали, но медвѣдь охотника не тронулъ, а убѣжалъ и самъ. Послѣ этого охотникъ рѣшился на другаго медвѣдя идти одинъ и убилъ его такъ удачно, что медвѣдь даже не пошевелился. Охотникъ снялъ съ него шкуру и на вырученныя за шкуру деньги купилъ себѣ лошадь. Но медвѣди узнали, что лошадь куплена на деньги, вырученныя за медвѣжью шкуру, и съѣли у охотника не только эту лошадь, а и весь его скотъ. Тогда охотникъ пошелъ жаловаться на медвѣдей къ Нюлэсъ-мурту, и Нюлэсъ-муртъ за ослушаніе медвѣдей ихъ всѣхъ отдалъ въ своихъ лѣсахъ охотнику. Съ тѣхъ поръ охотникъ сталъ убивать каждый годъ помногу медвѣдей и сдѣлался богатымъ.

Лыпская волость.

Группа XI-я.

76. Бѣды Мишки-скрипки.

Когда-то давно жилъ на свѣтѣ вотякъ, которому имя было Мишка, а такъ какъ онъ съ дѣтства выучился хорошо играть на скрипкѣ, то и звали его *«Мишка-скрипачъ»*, или *Мишка-скрипка»*. Веселый человѣкъ былъ этотъ Мишка. Одна бѣда: не любилъ ходить въ лѣсъ, когда старики ходили жертвы приносить, а потому и не давалъ ему шайтанъ удачи и довольства, хотя Мишкѣ за его игру и приходилось получать много денегъ. Землею Мишка не занимался и жилъ сначала въ маленькомъ домикѣ, но ему надоѣло жить одному и онъ вздумалъ выстроить себѣ большой домъ, чтобы потомъ жениться и жить большимъ хозяйствомъ. За игру на скрипкѣ ему отвели участокъ отличнаго строеваго лѣсу, изъ котораго можно было бы построить не одинъ домъ, а нѣсколько. Обрадовался Мишка и сговорился съ сосѣдями о помочи: когда они къ нему придутъ лѣсъ рубить, бревна возить, избу строить. Какъ разъ наканунѣ того дня, когда сосѣди обѣщались придти къ нему на *«веме»* (сходка для помочи), проѣхала по отведенному Мишкѣ участку Нюлэсъ-муртова свадьба, и всѣ деревья, которыя съ корнемъ вырвало и раскололо, которыя переломало, да перековеркало, такъ что изъ большаго участка нельзя было выбрать лѣса и на маленькую избушку. Очень было жаль Мишкѣ своего лѣсу, но дѣлать было нечего; приходилось было остаться въ старой избенкѣ. Говорили ему тогда

старики: «ей Мишка, пойдемъ кулясь-конъ дѣлать». А онъ все не ходилъ! Лѣсъ то у него и пропалъ лѣтомъ, а по осени и другая бѣда пришла. Сталъ сосѣдъ сушить первые снопы въ своемъ овинѣ, да какъ-то и зажегъ солому; съ овина огонь *Обинь-муртъ* перекинулъ на Мишкину избу, которая заразъ такъ вся и вспыхнула; едва самъ Мишка успѣлъ выскочить, да вынести свою скрипку, а то все у него погорѣло. Перебился Мишка кое какъ зиму, перебился весну, а лѣтомъ надумалъ уйти изъ этой деревни, гдѣ жилъ, въ дальную сторону. Навѣсилъ за спину пестерь съ кое какой одежею и съ хлѣбомъ, а скрипку взялъ въ руки. «Прощайте», говоритъ, «добрые сосѣди»! пойду я въ чужой сторонѣ счастья—довольства искать». Шелъ Мишка сначала лѣсомъ, а потомъ пошелъ по лугамъ, и все жилья нѣтъ. Вышелъ онъ наконецъ на такія поля, гдѣ и травы нѣтъ: только галька да песокъ, а солнце печетъ жарко. Съѣлъ Мишка хлѣбца; пить ему хочется и видитъ онъ: бѣжитъ съ горы ручеекъ. Чистая вода такая. Вотъ думаетъ, сейчасъ напьюсь! Подходитъ къ ручейку и только хочетъ буракомъ почерпнуть воды, онъ (ручей-то) и высохъ. Смотритъ, а выше него стоитъ *Ву-муртъ* и всю воду выпиваетъ. Побоялся тутъ Мишка съ Ву-муртомъ разговаривать и пошелъ черезъ силу дальше. Видитъ течетъ рѣчка немаленькая. Вотъ, думаетъ, тутъ то ужъ я напьюсь. Побѣжалъ къ самой водѣ, упалъ на брюхо и прямо хочетъ пить воду ртомъ изъ рѣки, а вода все ниже и ниже уходитъ и не можетъ онъ ее достать, хочетъ буракомъ зачерпнуть, а буракъ по дорогѣ потерялъ. Сильно хочется Мишкѣ пить и понялъ онъ, что не хорошо дѣлалъ, стариковъ не слушаясь, жертвы въ лѣсъ не нося, и замолился тутъ онъ шайтану: «дядя, шайтанъ! помилуй! за что ты меня постоянно наказываешь»? А Ву-муртъ и говоритъ ему: за то тебя мы наказываемъ, что ты для насъ ни разу быка не молилъ.

Юмская волость

Н. Г. Первухинъ.

2007041427